3`2013

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

- *ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕПРЕССИЯ*
- *КОГНИТИВНЫЙ КОНФЛИКТ*
- *НЕДОСТАТОЧНОСТЬ БЫТИЯ*
- *ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА*
- *ВЕК НЕВЕРИЯ*
- *САКРАЛЬНАЯ СУБСТАНЦИЯ*
- *ЛОГОС ЛЮБВИ*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

Савицкие. От прадеда до правнука

Иван Петрович Савицкий, сын известного лидера евразийства Петра Николаевича Савицкого, никогда не жил в России, но уже с раннего возраста осознавал себя русским. Семья Савицких, как вся тогдашняя эмиграция, жила, как говорится, на чемоданах, готовая в любой момент вернуться в Россию. Но в Россию вернулся только отец, Петр Николаевич: в мае 1945 г. после кратковременного ликования, страстно желавший победы России П.Н. Савицкий был отправлен в ГУЛАГ. В 1956 г. он вернулся из ссылки, но реабилитирован не был и вскоре вновь попал в тюрьму (на этот раз чешскую) за изданные в Париже лагерные стихи. Умер П.Н. Савицкий в 1968 г.

Петр Николаевич с супругой Верой Ивановной и сыновьями Николаем и Иваном. Накануне войны

Сыну «врага уже двух народов», как посмеивался Иван Петрович, приходилось не сладко, хотя философский факультет (историческое отделение) Карлова университета ему окончить позволили, но к научной работе не допустили. Некоторое время был безработным, зарабатывал на жизнь случайными переводами, затем работал библиотекарем, документаристом... Благодаря друзьям Савицкому удается устроиться в Славянскую библиотеку, «сокровищницу русской книги», где, по его словам, он работал запоем. Тогда, в 1969 г. и появилась предлагаемая вниманию читателя статья «Самодержавие и русская интеллигенция» в пражском журнале «История и современность», написана она была по заказу редакции за 48 часов (после августа 1968 г. приходилось спешить: действительно через номер после опубликования статьи журнал

Родители Петра Николаевича Савицкого

Петр Николаевич с супругой Верой Ивановной

Петр Николаевич с сыном Николаем

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

3/2013

Москва
Гуманитарий

http://www.phisci.ru

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет:

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А., Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф., архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель), Миронов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М., Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т., Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция:

Аршинов В.И., Блауберг И.И., Вдовина И.С., Водолазов Г.Г., Давыдов А.П., Пантин В.И., Порус В.Н., Розин В.М., Северикова Н.М., Сиземская И.Н., Тульчинский Г.Л., Шевченко В.Н.

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.
Редактор международного отдела Чикин А.А.

Литературный редактор Феоктистова Т.А.
Научный редактор Комиссарова Л.Б.
Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Верстка: Романова Е.И., Топилина В.М.

http://www.academyRH.info
E-mail: academyRH@list.ru

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

Журнал включен в «Реферативный журнал»
и в базы данных ВИНИТИ РАН.
Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям **«Ulrich's Periodicals Directory»**.

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 10.02.2013 г. Формат 60x90/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1-750 экз.). Заказ

Отпечатано в типографии «Буки Веди»,
г. Москва, ул. Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

ISSN 0235-1188

© Философские науки, 2013
© Академия гуманитарных исследований, 2013
© Издательский дом «Гуманитарий», 2013

http://www.phisci.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР. ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Эволюция. Модернизация. Инновация ■

А.Ю. СУНГУРОВ (Санкт-Петербург) Инновации в социуме и политике. Аналитический обзор 5

П.С. СЕЛЕЗНЕВ Инновационная политика России: в поисках мотивации 21

Уроки истории ■

В.Ф. ШЕЛИКЕ Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности (Часть 1) 37

МИР РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Из истории евразийства ■

И.Н. СИЗЕМСКАЯ Истоки евразийства. П.Н. Савицкий 49

К.Б. ЕРМИШИНА Философия культуры П.Н. Савицкого 52

П.Н. САВИЦКИЙ Кто и что делает русскую культуру «провинциальной»? 63

Интеллигенция и русская культура ■

И.П. САВИЦКИЙ Самодержавие и русская интеллигенция 67

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Культурная матрица ■

ОТ РЕДАКЦИИ Современность. В поисках новых измерений 76

В.А. СУЛИМОВ (Сыктывкар) Состояние переходности: «технологический поворот» или утрата смыслов 77

Язык. Логос. Абсолют ■

О.Б. ПАНОВА (Томск) Русская философия о природе и сущности языка. Статья 1. «Оправдание» логоса 85

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Логика и логическое образование ■

В.А. БАЖАНОВ (Ульяновск), В.И. МАРКИН Логическое образование в России: краткая история, современное состояние, перспективы 98

http://www.phisci.ru

И.В. ХОМЕНКО (Украина) Преподавание логики на Украине: проблемы и перспективы 110

В.Ф. БЕРКОВ (Беларусь), Я.С. ЯСКЕВИЧ (Беларусь), А.А. ЛЕГЧИЛИН (Беларусь) Развитие и преподавание логики в Беларуси: история и современность 120

А.В. ТЯГЛО (Украина) «Наука рассуждать» в «быстром мире» 129

Школа философствования ■

Б.В. МАРКОВ (Санкт-Петербург) Начала философии
Раздел V. Философия истории
Глава 15. Россия в меняющемся мире
§ 28. Образ России 137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению ■

И.Н. СИЗЕМСКАЯ А.П. Давыдов. Неполитический либерализм в России 144

Рецензии, аннотации, отзывы ■

С.И. МОЗЖИЛИН (Саратов) Капризы памяти
Е.В. Малышкин.
Две метафоры памяти 151

■

Наши авторы 158

■

About the Authors 159

■

Contents 160

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения только материалы, отправленные по электронной почте с указанием домашнего адреса, телефона и e-mail.

Ф.И.О. автора (полностью), место работы, ученая степень и звание, название статьи, аннотации и ключевые слова должны быть представлены на русском и английском языках.

Объем материалов не должен превышать 40 тыс. знаков с пробелами.

В тексте должна обозначаться лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, а примечания и цитируемая литература, оформленная в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, – приводиться в конце текста. Авторы материалов несут ответственность за точность приведенных цитат и сведений.

Публикуемые материалы могут быть отредактированы, разумеется, с сохранением основных идей автора.

Позиции редакции и автора не всегда совпадают.

http://www.phisci.ru

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР. ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Эволюция. Модернизация. Инновация

ИННОВАЦИИ В СОЦИУМЕ И ПОЛИТИКЕ. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР*

А.Ю. СУНГУРОВ

После избрания В.В. Путина на третий президентский срок, несмотря на преобладание в политической риторике современной России скорее консервативных, чем модернизационных призывов, перспектива инновационного развития все же является, на наш взгляд, единственной, открывающей путь к занятию Россией достойного места в современном мире. Поэтому задача поиска тех социально-политических акторов, или субъектов развития, которые могли бы оказаться наиболее эффективными в появлении и продвижении инноваций в социально-политической сфере, остается по-прежнему актуальной.

В большинстве как российских, так и зарубежных работ, посвященных инновационному развитию, делается акцент на инновации в сфере бизнеса и экономики, а социально-политическая сфера рассматривается лишь с позиции создания и реализации программ поддержки и продвижения этих инноваций (инновационной политики). Как отмечал в своей статье в журнале «Полития» В.М. Сергеев, широко распространено разделение инноваций на научные, технические и социальные: «К ”научным” инновациям логично отнести концептуальные нововведения, позволяющие по-новому осмыслять мир, прежде всего в его онтологическом аспекте, к ”техническим” – новые способы манипулирования этим миром, к ”социальным” – изменения в системе правил и норм, регулирующих человеческую деятельность и поведение людей»[1].

В то же время все сильнее проявляется точка зрения, что без реальных институциональных изменений общественно-политической сферы окажутся неудачными и усилия по развитию и продвижению инноваций в научно-технической сфере, в сфере бизнеса, что отдельные инновационные проекты типа Сколкова так и останутся

* Работа выполнена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Институциональные основы социально-политических инноваций: роль институтов-медиаторов», грант № 12-03-00551.

http://www.phisci.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сергеев В.М.* Инновации как политическая проблема // Полития. 2008. № 1. С. 115.

[2] См.: *Панеях Э.Л.* Трансакционные эффекты плотного регулирования на стыках организаций на примере российской правоохранительной системы // Полития. 2011. № 2. С. 38 – 59.

[3] См.: *Сунгуров А.Ю.* Инновации и их диффузия: к возможности использования концепции в социально-политической сфере // Философские науки. 2010. № 1. С. 9 – 18.

[4] См.: Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / под ред. В.Е. Лепского – М.: Когито-Центр, 2011.

[5] См.: Теория и практика инновационного развития и инновации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и ИС РАН // Полис. 2010. № 2. С. 128 – 145.

[6] См. там же. С. 130 – 131.

[7] *Пантин В.И.* Субъекты инновационного развития и проблемы обновления политических институтов в современной России // Полис. 2010. № 2. С. 135.

[8] *Патрушев С.В.* Общество модерна или инновационное общество? // Полис. 2010. № 2. С. 140.

[9] См.: *Глухова А.В.* Противоречия инновационного сценария // Полис. 2010. № 2. С. 143 – 144.

[10] См.: Социально-политические проблемы перехода России на инновационный путь развития. Материалы круглого стола. – URL: http://www.lawinrussia.ru/diskussionniy-klub/2009-01-15/sotsialno-politicheskie-problemi-perehoda-rossii-na-innovatsionniy-put-razvitiya.html

[11] *Давыдов А.П.* Инверсия как культурное основание цикличности в развитии (к вопросу об объекте деконструкции в русской культуре) // Философские науки. 2010. № 1. С. 26 – 27.

[12] *Мизулин М.Ю.* Возможно ли в современной России инновационное политическое развитие? // Философские науки. 2010. № 1. С. 30.

[13] См.: *Тульчинский Г.Л.* Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития // Философские науки. 2010. № 1. С. 51 – 72.

[14] *Ратнер С.В.* Роль инновационных фильтров в процессе диффузии новых знаний // Публичная политика-2009. Сборник статей. – СПб.: Норма, 2010. С. 95 – 102.

[15] *Кашников Б.Н.* Морально-политический дискурс как условие и цель социальных инноваций // Публичная политика-2009. С. 111 – 113.

[16] См.: Политика как фактор инновационного развития. Материалы международной российско-германской научной конференции. Санкт-Петербург, 23 апреля 2010 года / под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2010.

[17] См.: *Балаян А.А.* Политическая элита и инновационное развитие современной России: проблемы и перспективы // Политика как фактор инновационного развития. С. 15 – 19.

[18] *Вульфович Р.М.* Административная реформа как политическая дилемма // Политика как фактор инновационного развития. С. 49.

[19] См.: *Морозова Е.В.* Управление изменениями как проблема политического менеджмента // Полис. 2010. № 2. С. 122 – 127.

[20] См.: *Kanter R.M., Stein B.A., Jick T.D.* The Challenge of Organizational Change. – N. Y., 1992.

http://www.phisci.ru

[21] См.: *Schein E.H.* Transforming Government through Change Management: the Role of the State CIO. – URL: http:// www.nascio.org/publications/documents/NASCIO

[22] См.: *Морозова Е.В.* Управление изменениями как проблема политического менеджмента. С. 124.

[23] См.: *Polsby N.W.* Political Innovation in America.The politics of policy Initiation. – New Haven; London: Yale University Press, 1984.

[24] Ibid. P. 174.

[25] См.: *Gwyn W.B.* Ombudsman Policy Innovation in the English-speaking world (Research Report. – Institute of Governmental Studies. Univ. of California). – Berkeley: Univ. of California, 1980. P. 80 – 82.

[26] Ibid. P. 2.

[27] *Eggers W.D. and Kumar Singh Sh.* The Public Innovator's Playbook: Nurturing Bold Ideas in Government // Deloitte Research. 2009. P. 98.

[28] *Nambisan S.* Transforming Government Through Collaborative Innovation // IBM Center for the Business of Government. 2008. P. 11.

[29] *Bommert B.* Collaborative Innovation in The Public Sector // International Public Management Review. Electronic Journal. – URL: http://www.ipmr.net. 2010. Vol. 11. Issue 1. P. 15 – 33.

[30] *Howe J.* Crowdsourcing: A Definition. 2006. – URL: Crowdsourcing.com http://crowdsourcing.typepad.com/cs/2006/06/crowdsourcing_a.html

[31] *Тишин А.И.* Лики синергетики // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2002. № 3. – URL: http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2002/v3/a02.html

[32] *Князева Е.Н.* Природа инноваций и некоторые проблемы инновационного управления // Управление: социально-философские проблемы методологии и практики. – СПб.: Книжный дом, 2005; Сайт С.П. Курдюмова. – URL: http://spkurdyumov.narod.ru/Knzva.htm

[33] См.: *Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посошков С.А.* Кризис инновационных сред в России // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / под ред. В.Е. Лепского. – М.: Когито-Центр, 2011. С. 24 – 25.

[34] См.: *Novotny H.* The increase of complexity and its reduction: emergent interfaces between the natural sciences, humanities and social sciences // Theory, culture and society (Cleveland). 2005. Vol. 22. № 5. P. 15 – 31.

[35] *Аршинов В.И.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития в контексте синергетики сложности // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / под ред. В.Е. Лепского. С. 55.

[36] *Князева Е.Н.* Система и среда: сопряжение сложности, эмерджентности и управленческой активности // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию. С. 74.

[37] См.: *Лепский В.Е.* Признаки и последствия недооценки роли средового подхода в инновационном развитии и модернизации России // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию. С. 7 – 22; *Лепский В.Е.* Механизмы саморегулирования сложностью в рефлексивно-активных средах инновационного развития // Синергетическая парадигма: Синергетика инновационной сложности. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 427 – 447.

[38] *Лепский В.Е.* Философские основания становления средовой парадигмы (от классической рациональности к постнеклассической) // Междисциплинарные

http://www.phisci.ru

проблемы средового подхода к инновационному развитию / под ред. В.Е. Лепского. – М.: Когито-Центр, 2011. С. 39.

[39] См.: *Funtovicz S., Ravetz J.* Science for the post-normal age // Futures. 1993. Vol. 25. № 7. P. 735 – 755.

[40] *Киященко Л.П.* Синергетика сложности и трансинституциональная матрица инноватики. Синергетическая парадигма: Синергетика инновационной сложности. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 119.

[41] Там же. С. 126.

[42] См.: *Якимец В.Н.* Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. – М.: УРСС, 2004.

[43] См.: *Сунгуров А.Ю.* Институты-медиаторы и их роль в развитии публичной политики в современной России // Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования / отв. ред. Л.И. Никовская. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2012. С. 195 – 218; *Сунгуров А.Ю.* Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений // Публичная политика – 2005. Сборник статей. – СПб.: Норма, 2006. С. 7 – 14.

Аннотация

В работе рассматриваются современные дискуссии об инновациях в социуме и власти, акторы реформ и роль общественной среды, в которой эти реформы протекают, а также конкретные технологии реформаторского процесса. Анализируются возможности синергетического подхода для изучения субъектов и среды инновационного развития.

Ключевые слова: инновации, реформы, акторы, среда, синергетика.

Summary

The article considers the contemporary discussion concerning innovations in society and power, actors of reforms, the role of social space in which this reforms take place, and concrete technologies of reform process. The possibilities of synergetic approaches for the research of innovation process are also analyzed.

Keywords: innovations, reforms, actors, environment, synergetic.

http://www.phisci.ru

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: В ПОИСКАХ МОТИВАЦИИ

П.С. СЕЛЕЗНЕВ

1. Инновационность как «новая идеология» XXI в.

Рубеж XX – XXI вв. ознаменовался серьезным кризисом традиционных идеологий и политических мировоззренческих конструкций, определявших жизнь человечества на протяжении последних 200 лет. Большинство из них оказалось неконкурентоспособным в свете вызовов нового столетия. Последней пала либеральная политическая и социально-экономическая догматика, позиции которой были подорваны, с одной стороны, излишне настойчивыми попытками США и Евросоюза «распространить» ее повсеместно в качестве «единственно верного» учения, с другой – глобальным финансово-экономическим кризисом, который заставил человечество усомниться в универсальности и эффективности либерально-рыночной модели. Следствием этого стали попытки найти ответы на вызовы нового столетия в прошлом. Так в политической сфере возрос интерес к идеологиям XIX – XX вв. (коммунизм, социал-демократия, консерватизм), а также к «квазиполитическим» теориям (политический феминизм, религиозно-политические учения, глобализм-антиглобализм, постиндустриализм, экологизм), а в экономике появляется запрос на новую версию кейнсианства. Однако такой путь является тупиковым. Обращаясь в прошлое или используя неадекватное новым реалиям настоящее, государственные деятели, политики и экономисты фактически игнорируют качественно иной тип политических и социально-экономических отношений, возникших в начале XXI столетия. Все это требует от развитых государств мира выработки новых идеологических приоритетов, адекватных современным вызовам.

Одним из политико-экономических концептов, претендующих на статус глобальной «мегаидеологии», стала доктрина инновационного развития. При всем своеобразии понимания инноваций и инновационной модернизации в различных странах и культурах, уже выработались ее базовые теоретические положения.

Несмотря на то, что инновационное развитие зачастую понимается преимущественно как технологическая и экономическая модернизация, стержнем его являются все же политические факторы. Так, выбор приоритетов инновационной деятельности должен опираться на анализ политической и социальной структуры общества, учитывать базовую социальную онтологию и ценностные ориентации населения, традиции осуществления власти, расклад сил внутри элиты (соотношение сторонников и противников инновационного пути).

http://www.phisci.ru

Построение в России органичной политико-экономической модели, основанной на знаниях, креативе и перспективном видении будущего, предполагает создание условий для превращения научно-технического потенциала России в один из основных ресурсов устойчивого социально-экономического и политического роста. И здесь надо отметить, что руководство Российской Федерации, оценив остроту вызовов XXI в. и технологическое отставание страны от ведущих государств мира, но при этом учитывая ее мощнейший экономический, демографический и культурный потенциал, сыграло «на опережение». Был выдвинут лозунг не «Догнать и перегнать», но «Опередить», по крайней мере, в тех сферах, где Россия может совершить серьезные прорывы.

В России инициатива в деле инициирования и реализации инновационного проекта принадлежит правящей элите, причем в основе ее тяги к инновационной модернизации лежат как объективные, так и субъективные факторы. Так, с одной стороны, она вполне эгоистично заинтересована в сохранении своего влияния в стране, что позволяет ей контролировать значительные аппаратные и бизнес-активы, с другой – она понимает, что без проведения периодических политических и экономических реформ обеспечить развитие страны будет практически невозможно.

Инновационная «повестка дня», сформулированная и реализуемая властью РФ в 2007 – 2013 гг., также является своего рода заявкой на интеграцию в глобальную элиту. С одной стороны, тем самым Россия демонстрирует свое созвучие с эпохой и понимание политики модернизации, с другой – хочет войти в мировой элитный клуб не на правах «младшего сырьевого брата», а как полноценное эффективное государство XXI в.

Впервые поставленная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию (10 мая 2006 г.) цель по изменению структуры экономики России, приданию ей инновационного качества, определила необходимость выполнения следующих ключевых задач.

– *Стимулирование роста инвестиций в производственную инфраструктуру и в развитие инноваций*[1].

– *Повышение ориентированности научных организаций на потребности реальной экономики*[2].

– *Развитие предпринимательской инициативы во всех секторах экономики и создание для этого необходимых условий*[3].

Внимание власти к концепту инновационного развития не стало чисто декларативным: были созданы «точки роста» в виде бизнес-инкубаторов, технопарков, особых экономических зон, госкорпораций («Роснано» и др.), инновационной площадки «Сколково». Поддержкой и стимулированием реализации перспективных инно-

http://www.phisci.ru

[12] См.: Инновационная политика: международный опыт // Человек и труд. 2011. № 1. С. 48.

[13] См.: URL: http://ria.ru/society/20110504/370710263.html

[14] См.: URL: http://expert.ru/2011/08/3/brazilskaya-zaschita/

[15] См.: URL: http://www.gmu-countries.ru/asia/india/nis.html

[16] См.: *Поляков Б.* Малайзия сегодня // Форум. 2011. 11 июня.

[17] См., например: *Синецкий Н.С.* Социокультурные аспекты принятия технологических инноваций на современном арабском Востоке. – URL: http://www.chiep.ru/pics/uploads/docs/NIR/CONFERENC/Sinetskij_N.S.pdf

[18] См.: *Тулеев А.М., Шатиров С.В.* Россия перед прыжком. – М., 2004. С. 166.

[19] См.: URL: http://www.regions.ru/news/2335868/

[20] Там же.

Аннотация

Статья посвящена анализу российской модели инновационного развития в сравнении с опытом других стран (США – политика глобального лидерства, Европейский Союз – политика социального гедонизма, КНР – претензия на новое глобальное лидерство, Индия, Бразилия и Малайзия – преодоление бедности и технологической отсталости, Южная Корея – выживание в конкурентной региональной среде) и рекомендациям по стимулированию инновационной модернизации России.

Ключевые слова: инновационное развитие, США, Европейский Союз, Китай, Индия, Бразилия, Малайзия, Южная Корея, мотивация, глобальное лидерство, модернизация, авторитарный режим, традиция, конкуренция.

Summary

The article is dedicated to the analysis of the Russian model of innovative development in comparison with the experience of other countries (USA – global leadership policy, European Union – policy of social hedonism, China – claim on new global leadership, India, Brazil and Malaysia – overcoming poverty and technological backwardness, South Korea – survival in competitive regional environment) and to the recommendations for stimulating the innovative modernization of Russia.

Keywords: innovative development, USA, European Union, China, India, Brazil, Malaysia, South Korea, motivation, global leadership, modernization, authoritarian regime, tradition, competition.

http://www.phisci.ru

Уроки истории

НЕПОЗНАННЫЙ МАРКС И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ (Часть 1)

В.Ф. ШЕЛИКЕ

Введение

Острейшие противоречия современности, осознание с нарастающей тревогой необходимости их разрешения, а также поиск альтернативы современному состоянию цивилизации, обусловили в наши дни возобновление интереса к Марксу.

Исследователь теории Маркса, снова «открывающий» его учение, не может не вникать в содержание категорий, служивших Марксу в качестве мысленного «микроскопа», через который рассматривалась действительность. Необходимо выяснить, обеспечивали ли эти категории «четкость изображения» или искажали предмет анализа, и, главное, применимы ли они для анализа современной нам реальности.

Для достижения понимания теории Маркса придется преодолеть немалые трудности, во-первых, в связи с целым рядом искажений, внесенных догматическим «истматом» в некоторые понятия марксистского учения, которые и утвердились в головах у сторонников и противников Маркса. Проблемы возникают, во-вторых, и в связи с трудностями перевода целого ряда категорий Маркса на другие языки, в том числе и на русский. А между тем четкая разработанность научного аппарата является свидетельством зрелости любой научной теории, а ее отсутствие говорит об обратном. Поэтому внимание к понятийному аппарату является не только оправданным, но и необходимым как для опровержения теории ее противниками, так и ради ее дальнейшего развития сторонниками.

В предлагаемой статье внимание сосредоточено на ряде категорий, которые актуальны с точки зрения выявления альтернативы современному состоянию мира, и адекватное Марксову подходу понимание которых затруднено «живучестью» догматического «истмата», а также связано с трудностями перевода.

На трудности перевода текстов Маркса указывал еще Энгельс в статье «Как не следует переводить Маркса»[1] (речь шла о переводе на английский язык). По правилам, на которые указывает Энгельс в этой статье, одно и то же понятие у Маркса в переводе должно быть выражено также одним и тем же понятием[2], что, заметим в скобках, не всегда осуществимо. К тому же, согласно Энгельсу, немецкие понятия,

http://www.phisci.ru

впервые предложенные Марксом, требуют создания новых понятий и на языке перевода[3]. Кроме того, переведенное понятие должно вбирать в себя все оттенки, присущие ему на немецком языке, что тоже не всегда удается отразить. Отсюда и возникают определенные трудности адекватного перевода на другие языки понятийного аппарата, разработанного Марксом.

Нередко глубина содержания целого ряда главнейших категорий материалистической теории истории оказывалась скрытой при их переводе на русский язык. Вместе с тем при работе исследователя лишь с переведенными на другие языки текстами существует не только опасность не понять всей глубины той или иной мысли Маркса, но и не заметить ее искажения, невольного со стороны переводчика, а порой и вполне сознательного, предпринятого под влиянием соображений политической конъюнктуры.

В одной статье не может быть рассмотрен весь категориальный аппарат материалистической теории истории, о чем я считаю необходимым предупредить читателя, чтобы избежать упрека в пренебрежении той или иной категорией Маркса. Мы отдаем себе отчет в том, что предлагаемая статья есть лишь малая толика в исследовании наследия Маркса в указанном направлении.

Приведу лишь несколько примеров[4].

Словосочетание ***Menschliche Verhaeltnisse*** обычно переводится как *человеческие отношения*, что верно, но односторонне, так как при этом упускается другое значение немецкого *menschliche* – *человечное*. Человеческие отношения в истории человечества, по Марксу и Энгельсу, раздвоены на **человечные** (menschliche) и **обесчеловеченные** (entmenschte). Найти истоки такого раздвоения Маркс и Энгельс ставят своей задачей при исследовании движущих сил истории человечества.

Wirkliche, wirken, Wirklichkeit – прилагательное, глагол и существительное, образуемые от одного корня, соответственно переводятся как *действительные*, *действовать* и *действительность*.

Но и такой перевод не во всем адекватен. Дело в том, что немецкое *wirken* (а таково исходное определение Марксом и Энгельсом **действий** действительных индивидов) означает не только **действовать,** но и вбирает в себя также значения ***работать, воздействовать***, а также (и это важно подчеркнуть!) одновременно обозначает и ***казаться*** (т.е. совершать что-то вроде театрального действа-представления, казаться себе или другим кем-то иным). А отсюда wirkliche – действительные индивиды (именно таково исходное определение Марксом и Энгельсом индивидов), это индивиды, одновременно и творчески действующие (воздействующие) и кажущиеся (себе и другим). И соответственно *Wirklichkeit* вбирает в себя одновременно значения и ***действительность***, и ***кажимость*** (т.е. недействительность, неистинность, нереальность). Как адекватно выразить эту диалектику, скрытую в семантическом

http://www.phisci.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 238 – 245.

[2] См. там же. С. 238.

[3] См. там же.

[4] На сайте Шелике Вальтраут «Мой Маркс» есть раздел «Трудности перевода». – URL: http://www.wtschaelike.ru/?p=79, некоторые выдержки из которого я позволю себе поместить здесь.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 337 – 338.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4.

[7] *Marx K., Engels F.* Werke. – Berlin: Dietz Verlag, 1958. B. 3. S. 7.

[8] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4.

[9] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 220.

[10] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 350.

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. В 3 т. Т. 1. С. 3.

[12] *Marx K., Engels F.* Werke. B. 3. S. 7.

[13] Полагаю, что **исходно** гражданское общество сегодня можно рассматривать как сферу индивидуальной жизни и индивидуальных интересов граждан. В гражданском обществе современное государство отстаивает собственные экономические и политические интересы, а также интересы и идеологию того класса гражданского общества, который господствует в экономике. Государство представляет гражданам эти интересы как якобы исключительно всеобщие интересы всех граждан, и, в определенном смысле, государство такую всеобщую функцию тоже выполняет. Современное государство в собственных интересах вынуждено учитывать также и интересы разных социальных групп гражданского общества и идти на социальные уступки разным классам гражданского общества. В таком понимании гражданское общество в России давно существует и в разных формах (например, неуплатой налогов, перекрытием дорог, выступлениями бабушек против монетизации льгот, многолетним саботажем молчунами пенсионных реформ и т.п.) порой активно и небезуспешно сопротивляется государству, когда дело напрямую касается наступления государства на личные интересы жизни граждан. Это очень коротко, ибо и гражданское общество, и государство сегодня иные, чем это было при жизни Маркса. Но для адекватного понимания Маркса гражданское общество надо брать таким, каким оно представлялось мыслителям того века, в котором творил Маркс, и в котором он противопоставлял свою теорию предшественникам и современникам.

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 116.

[15] См. там же.

[16] Там же.

[17] См. там же.

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 49. С. 47.

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 116.

[20] Там же. С. 169.

[21] Там же. С. 116.

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 447.

http://www.phisci.ru

МИР РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Из истории евразийства

ИСТОКИ ЕВРАЗИЙСТВА. П.Н. САВИЦКИЙ

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Интерес к движению евразийцев, возникшему внутри российской эмиграции в 20-х гг. прошлого века, не ослабевает до наших дней. Их первый сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921) сразу обратил на себя внимание эмигрантской общественности. Его авторы (П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, В.Ф. Флоровский, Н.С. Трубецкой) заявляли о попытке новой постановки и разработке старой проблемы – отношения России к Западу и Запада к России. Факт эмиграции в соединении с надломами, происшедшими в культурной жизни Европы, объяснял актуализацию интереса к проблеме и появление евразийства. Само название «Исход к Востоку» имело определенный подтекст и отражало не только традиционный для христианской культуры смысл, но и готовность к определенным социальным действиям. Евразийцы выражали настроение той части эмиграции, которая, переставая жить иллюзиями, начинала с пристрастием интересоваться тем, что происходило в Стране Советов, приняв русскую революцию как «знак» не только конца старой, но и рождения новой России. Оценить происходившие изменения с точки зрения задач сохранения русской культуры и могущественности российской государственности, выработать на этой основе стратегию и тактику своих действий – в этом виделся смысл движения, этой целью определялась направленность философско-исторических поисков. Лидером пражского центра движения был философ, культуролог, экономист Петр Николаевич Савицкий, личность которого настолько же интересна, насколько и «знакова» для русского зарубежья.

Род Савицких, как пишет его сын Иван Петрович Савицкий* в статье «Потомственный эмигрант», написанной им для журнала

* Савицкий Иван Петрович (1937 – 2010) – PhD, чешский историк русского происхождения, сын известного лидера евразийства Петра Николаевича Савицкого. Окончил историческое отделение философского факультета Карлова университета в Праге. Только после «бархатной революции» получил возможность заниматься научной работой. Был назначен директором Европейского центра по

http://www.phisci.ru

«Русское слово» (Издание русской диаспоры в Чехии. 2008. № 1), ведет свою родословную от казаков. Дворянство он получил за усилия, приложенные при воссоединении Украины с Россией. В XVII в. Савицкие были первыми для того времени представителями интеллектуальной элиты казачества – советчиками гетманов и полковников, редакторами важных документов, хранителями исторической памяти. После ликвидации Екатериной II запорожского войска Савицкие стали потомственными российскими дворянами, владевшими имениями и крепостными, наделенными различными привилегиями, освобожденными от обязательной государственной службы и, тем не менее, как и большинство российских дворян, служившими в столицах и губерниях на различных поприщах. Так, отец Петра Николаевича Савицкого окончил кадетский корпус и Александровское военное училище, служил в артиллерии, после увольнения в запас в 29 лет был назначен уездным предводителем дворянства, избирался председателем Губернской земской управы, в 1916 г. прошел в Государственный совет, принимал участие в строительстве Мурманска. Должность была почетной в том смысле, что за нее ничего не платили, но у Николая Петровича с супругой было 500 десятин хорошей земли, необходимости в финансовой поддержке со стороны государства у семьи не было. Родословная Ивана Петровича Савицкого по матери, как он пишет, значительно отличается от отцовской географически и социально: она идет от государственных крестьян северной Олонецкой губернии, которые выдвинулись на строительстве государственных заводов и дворянство получили лишь в XIX в. Дед Ивана Петровича со стороны матери был инспектором русских школ в Финляндии. После октябрьской революции он застрелился.

Эмиграция для Савицких началась после бегства на Юг, в Крым, затем в Константинополь, и, наконец, в Прагу. Для Петра Николаевича она началась с работы во внешнеполитическом ведомстве Врангеля, возглавляемом его учителем П.Б. Струве, который привлек его к работе в журнале «Русская мысль». Именно в этом журнале появилась рецензия П.Н. Савицкого на брошюру Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», с которой начался между ними обмен мнениями по проблеме судеб России, положивший начало евразийству, и отходу в связи с этим от политических и историософских установок Струве и его окружения. Но всех исходно объединяло одно: любовь к родине, интерес к тому, что происходило в новой России, переживание за ее судьбу, служение ей, насколько позволяли обстоятельства и личное

правам человека под эгидой ЮНЕСКО. Автор ряда статей и книг по истории русской эмиграции так называемой первой волны, изданных на русском, чешском и английском языках. Последние годы деятельно разрабатывал тему исторических отношений России и Европы *(Прим. ред.)*.

http://www.phisci.ru

понимание исторической ситуации. «С самых первых воспоминаний, – пишет Иван Петрович, – когда отец показывал нам репродукции икон Рублева, объяснял их значение и рассказывал, в каких тяжелейших условиях они возникли, нам становилось ясно одно – мы русские и место нам в России под названием СССР... Мы были русскими, даже чешский знали плохо, так как отец хотел "застолбить" в нас хороший русский язык, прежде чем мы научимся родственному чешскому, который многих детей сбивал на некий "славянский воляпюк"». Конечно, не все эмигранты так думали, но большинство из них стремились к сохранению русских культурных традиций и себя как русских. Ученые, философы, служители Православной Церкви отдавали свои силы воспитанию нового поколения русских специалистов за рубежом, публиковали свои труды на русском языке, а сотни тысяч людей, оказавшиеся гастарбайтерами, жертвовали деньги на строительство и содержание церквей, на русские школы, детские лагеря, библиотеки, на взаимопомощь. В 1930-е гг., по свидетельству сына, П.Н. Савицкий немало писал о разрушении русского сельского хозяйства, в его библиотеке были советские издания начала 30-х гг. и труды ученых эмигрантов, но главное – Бюллетени Экономического кабинета профессора С.Н. Прокоповича, в которых скрупулезно анализировались данные очень широкой подборки советской прессы. П.Н. Савицкого арестовал СМЕРШ в мае 1945 г., и он вернулся в Прагу лишь в 1956. Сборник его стихов, вышедший в Париже в 1960 г., стал для новой власти поводом для ареста, а для автора признанием, что он «перестал мечтать о невозможном», но продолжает «читать живую книгу бытия». Его амнистировали в 1961 г. под давлением протестов, организованных на Западе эмигрантами. Умер Петр Николаевич Савицкий в 1968 г.

Его сын Иван Петрович Савицкий, автор предлагаемой ниже статьи «Самодержавие и русская интеллигенция», получил возможность для научной работы только после «бархатной революции». В новых условиях он продолжил заниматься историей российской эмиграции и чехословацкого корпуса в России, и, по его собственному признанию, в своих книгах на эту тему «вкупе со статьями и докладами на международных конференциях, в основном сказал все, что имел сказать». Чехам и «новым русским пражанам», в которых, по его признанию, поражал не пессимизм в отношении ближайших перспектив России, а крайний негативизм в отношении всего ее прошлого, и слепая вера в западные оценки в сочетании с незнанием основных фактов как русской, так и европейской истории. Наверное, он многое еще бы сказал о непростой истории и нелегкой жизни русской эмиграции, но помешала смерть: умер И.П. Савицкий в конце 2010 г.

Память о деде и прадеде, и обо всем своем роде хранит Петр Савицкий, ныне студент философского факультета Карлова университета.

http://www.phisci.ru

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ П.Н. САВИЦКОГО

К.Б. ЕРМИШИНА

Творчество Петра Николаевича Савицкого (1895 – 1968) занимает особое в место в культуре и науке русской эмиграции XX в. Больше всего он известен как один из основателей и лидеров евразийского движения 20-х и 30-х гг. XX в. Однако круг его исследований и творческих интересов был гораздо шире традиционного образа евразийца. Савицким написаны книги и статьи по географии, философии, истории, статистике, экономике, политике, лингвистике, литературоведению. Савицкий много сделал для создания научного, или академического евразийства, подразумевая под этим целую систему наук, направленных на изучение России-Евразии с точки зрения ее географического и культурно-исторического единства. Проведя значительную часть жизни в эмиграции (с 1920 г.), Савицкий до конца жизни оставался горячим патриотом России, внимательно следил за происходящим в Советском Союзе, верил в будущее духовное возрождение отечества после его освобождения от большевизма. В России, начиная с 90-х гг. XX в., научные труды Савицкого стали одними из самых востребованных при обращении к интеллектуальному наследию русской эмиграции. Однако возникает настоятельная потребность расширить представление о Савицком, который был не только автором историософских и геополитических идей, но и создателем оригинальной философии культуры.

Творческое наследие П.Н. Савицкого чрезвычайно богато и разнообразно. Сложилось представление о том, что Савицкий по преимуществу занимался историко-географическими темами: считается, что именно он предложил термин «Евразия», тем самым дав наименование движению «для обозначения специфики России как природно-географического и культурно-исторического мира в отношении к Европе»[1]; «сформулировал основные географические и этнографические тезисы евразийства»[2] и т. д. О том что в евразийстве были особые «этнографические тезисы», которые сформулировал Савицкий, в данном случае спорить непродуктивно. Гораздо интереснее разобраться со специфическим мировоззрением Савицкого, ключ к которому, вероятно, можно найти в небольшой работе «Единство мироздания»[3], где он формулирует закон, позже названный им «периодической системой сущего».

В этом тексте Савицкий указывает на то, что религиозное начало жизни укоренено в основах бытия, в звездных мирах, растительном и животном мире, психике человека, в социуме. Эта структура, с одной стороны, обусловливает единство сущего, с другой – задает ему ритм, отличающийся прерывностью, волнами приливов и от-

http://www.phisci.ru

ливов. П. Серио, указывая на структуралистское (в широком смысле слова) мировоззрение П.Н. Савицкого[4], подчеркивает и его отличие от классического европейского структурализма в том, что для него характерен холизм, понимание того, что идея, организующая бытие, есть нечто живое и реально существующее, в то время как для западных интеллектуалов структура и идея были мыслимым конструктом, удобным для исследования и понимания бытия. На горизонте такой интерпретации четко вырисовываются образы платонизма; утверждение Савицкого о том, что заряженность материи идеей делает ее способной к организации и самоорганизации, отсылает к философской традиции всеединства. В литературе о евразийстве можно встретить довольно причудливые толкования этой особенности его мировоззрения, например определение «пантеистический идеализм евразийской онтологии»[5] или понимание евразийства как места встречи «диалектического метода в его неоплатонической и гегелевских интерпретациях... православной онтологии симфонических личностей, русского формализма, славянского структурализма»[6].

Все сказанное должно приблизить нас к пониманию своеобразного метода работы Савицкого с фактами. Они для Савицкого не просто информационные единицы, но знаки, указывающие на реальность за ними стоящую. Позднее Савицкий назовет наиболее значимые события «фактами-пророчествами», которые способны указать, например, на состояние культуры, истории, дальнейшего развития народа и страны в целом. Сам Савицкий в письме к П.П. Сувчинскому от 5 ноября 1957 г. пишет о своем мировоззрении так: «Теперь два слова о моей “философии факта”. Я назвал бы ее “философией всегда насыщенного смыслом факта”. По моему мнению, среди исторических фактов *нет фактов случайных.* Есть факты выражающие “генеральную линию” данного момента (какова бы она ни была); есть “факты-отголоски” (отражения прошлого); и есть “факты-пророчества”. Я сказал бы что ЕА <евразийский> метод *есть именно метод выделения “фактов-пророчеств”*. Как мне кажется, небезынтересной иллюстрацией к этой мысли являются некоторые части и статьи нашего “Исхода к Востоку” 1921 г. Возвращаясь собственно к исторической области, я хотел бы сказать, что именно на основе “философии всегда насыщенного смыслом” и в определенном отношении *самодовлеющего* факта построены мои попытки определить “историческую кривую” конкретных периодов»[7]. Факты-пророчества способны, например, указать на будущий расцвет страны, в настоящем пребывающей в упадке. Эти факты (победы спортсменов, градостроительсво, подвиг святости) высвечивают мощь духа, который прорвется и организует материю, предварительно подчинив ее себе. Философия «фактов-пророчеств» и «периодической системы сущего» была одной из оснований философии культуры П.Н. Савицкого. Вторым значи-

http://www.phisci.ru

[9] *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. – М., 1997. С. 332 – 333.

[10] Там же. С. 334.

[11] Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 41. Л. 2.

[12] *Савицкий П.Н.* Историко-географические заметки по поводу новой литературы (заметки евразийца) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – М., 2011. № 1/2. С. 17.

[13] *Савицкий П.Н.* Великороссия и Украина в русской культуре // Родное слово. 1926. № 8. С. 12.

[14] Там же. С. 14.

[15] *Савицкий П.Н.* Месторазвитие русской промышленности. Вопросы индустриализации. – Берлин, 1932. Вып. I. С. 110.

[16] *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Париж, 1931. Кн. 7. С. 59.

[17] *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. – М., 1995. С. 444.

[18] *Савицкий П.Н.* Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ (Разгром русского зодческого наследия и необходимость его восстановления). – Прага, 1937. С. 3.

[19] Там же. С. 24.

[20] Там же. С. 22.

[21] Там же. С. 10.

[22] Там же. С. 39.

[23] *Савицкий П.Н.* Власть организационной идеи // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Париж, 1931. Кн. 7. С. 133.

[24] Там же. С. 134.

[25] Там же.

[26] *Савицкий П.Н.* Пятилетний план и хозяйственное развитие страны // Новый град. 1932. № 5. С. 50.

[27] См.: *Соболев А.В.* О евразийстве как культуроцентричном мировоззрении // *Соболев А.В.* О русской философии. – СПб., 2008.

Аннотация

Статья посвящена П.Н. Савицкому и его философии культуры. По мнению автора статьи, философия культуры была важной частью евразийской теории Савицкого. Философия культуры Савицкого основана на его теории «фактов-пророчеств» и «периодической системе сущего», предполагающей единство мироздания.

Ключевые слова: евразийство, философия культуры, русская культура, историософия, культурный структурализм, творчество, архитектура, украинское зодчество, советская литература.

Summary

The article concerns Peter Savitsky and his philosophy of culture, which, according to the author, was an important part of Savitsky's eurasianism. His philosophy of culture is based on the theory of «prophetic facts» and a «periodic system of being», implying the unity of the universe.

Keywords: eurasianism, philosophy of culture, Russian culture, historiosophy, cultural structuralism, art, architecture, Ukrainian architecture, Soviet literature.

http://www.phisci.ru

КТО И ЧТО ДЕЛАЕТ РУССКУЮ КУЛЬТУРУ «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ»?*

П.Н. САВИЦКИЙ

В последние годы черты провинциальности в облике современной русской (шире: советской) культуры бросались в глаза каждому, кто задумывался над ее судьбами. В частности, на эту провинциальность неоднократно указывали в течение последнего пятилетия евразийцы и одновременно намечали пути к ее преодолению**. О несомненной провинциализации русской художественной литературы не мог умолчать в своей речи на первом съезде советских писателей и Н.И. Бухарин[1]. В этой области она ощущается особенно резко по сравнению с отнюдь не «провинциальным» уровнем дореволюционной литературы, уровнем, определявшимся такими именами, как Блок, Гумилев, Вячеслав Иванов, молодой Маяковский и др. Теперь, в середине 1936 г. на борьбу с чертами провинциальности в современной русской культуре выступает московская «Правда». В особенности показательна в этом отношении статья «Традиции раболепия», помещенная в номере от 9 июля. Что это за «традиции раболепия», может спросить неосведомленный читатель. Ответить страшно: это традиции культурного раболепия перед Западом; за их обличение принялась теперь «Правда». Когда читаешь некоторые места этой статьи порою прямо таки не веришь, что перед глазами – «Правда», а не страницы какой-либо «Евразийской Хроники» или «Евразийского Временника». Правда, коммунистический официоз обличает (беря евразийское выражение) «дрожание поджилок» не специально перед Западом, но перед «заграничным штампом» вообще. «Пора, – пишет он, – давно пора подвергать беспощадному осмеянию, презрением окружать людей, которые с лакейским подобострастием относятся ко всему, что носит на себе заграничный штамп». Золотые слова! Евразийцы давно об этом говорили. Нужно только понимать с полной ясностью (во имя исторической истины), что штамп тот, о котором здесь идет речь, есть в первую очередь штамп *романо-германский*, ибо именно он возбуждал, да и возбуждает сейчас комплекс «трясущихся поджилок» в душах и телах русских провинциалов. И еще нужно понимать, что борьба с этим комплексом отнюдь не равнозначна отвержению ценностей

---

* Публикуется по машинописному тексту с авторской рукописной правкой из Государственного архива Российской Федерации: ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 65. Под названием статьи рукописная пометка П.Н. Савицкого: «Существенная в принципиальном отношении статья середины 1936 г. По-видимому, не была нигде напечатана. 10/IX 1944. П. Савицкий». – *Примеч. публикатора.*

** См. сборник «Тридцатые годы». 1931; Евразийская Хроника. XI. 1935. С. 5 – 12. – *Примеч. П.Н. Савицкого.*

http://www.phisci.ru

виться с традицией дворян-отщепенцев («традицией раболепия») – если он сумеет опереться на традицию дворян-россиелюбцев. Усвоение того лучшего, что было создано старым «ведущим отбором» – совершенно обязательно для нового, если только он желает справиться со стоящими перед ним творческими задачами. В таких явлениях как культ классиков русской литературы в СССР этот тезис находит себе практическое применение. Нужно только понять, что дело не может ограничиться одной художественной литературой.

Да, на многих и многих элементах старого русского правящего слоя лежали тяжелые грехи измены родному народу и родной культуре, и абстрактного «европеизма». По твердому убеждению евразийцев, одна из задач революции заключается в том, чтобы покончить с миражом этого «европеизма» и вернуть русскую культуру на ее народные корни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первый Всесоюзный съезд советских писателей прошел в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г. Николай Иванович Бухарин (1888 – 1938), в то время главный редактор газеты «Известия», сделал на съезде доклад о состоянии поэзии в СССР. В частности, в докладе он заявил, что в советской поэзии царит глубокая некультурная провинция. Доклад Бухарина резко критиковали делегаты съезда, поэты А.А. Сурков, С.И. Кирсанов, В.М. Инбер, Д. Бедный, А.И. Безыменский.

[2] Лингвист, философ, один из основателей и лидеров евразийского движения Николай Сергеевич Трубецкой (1890 – 1938) в статье «Верхи и низы русской культуры» (1921) писал: «В конце концов, несмотря на все усилия русской интеллигенции (в широком смысле этого слова), две пропасти, вырытые Петром Великим, одна – между “допетровской” Русью и “послепетровской” Россией, другая – между народом и образованными классами, остаются незаполненными и зияют и по настоящее время» (*Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. – М., 1995. С. 134).

[3] Бобринский Алексей Алексеевич (1861 – 1938), граф, этнограф, археолог, автор издания «Народные русские деревянные изделия: предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода» в 12-ти выпусках (1910 – 1914). С 1918 г. жил в Италии, где в 1931 – 1932 гг. продолжил работу над дополнениями к труду «Народные русские деревянные изделия».

Публикация и примечания К.Б. Ермишиной

http://www.phisci.ru

Интеллигенция и русская культура

САМОДЕРЖАВИЕ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ*

И.П. САВИЦКИЙ

Русский абсолютизм, идущий от Петра I, и русская интеллигенция родились одновременно. Более того, эти явления программно переплетались, так как оба были слабы. Абсолютизм – со своими амбициями быть европейским фактором, что требовало хотя бы частичной реконструкции страны, и интеллигенция – из-за своей малочисленности и потерянности в недоверчивом, можно даже сказать, враждебном окружении. Вековая традиция изолированности от культурных центров Востока и Запада, которая после падения Византии для подавляющего большинства населения стала почти полной, выпестовала очень сильную неприязнь к передовым иностранным культурным влияниям.

Эта неприязнь наложила отпечаток как на планы по реконструкции России в духе Просвещения, так и на само «выживание» представителей нового слоя интеллигенции. Общая борьба объединила тогда царя и его ближайшее окружение с интеллигенцией. Петр спешил воспитать для своих целей способных и образованных офицеров, инженеров, дипломатов и чиновников, в то время как немногочисленные представители новых течений в тогдашнем фактически единственном образованном слое – духовенстве, пытались создать идеологическую систему для поддержки государя и использовать для его пропаганды единственный существующий в то время идеологический аппарат – церковь. Развитие отношения интеллигенции к государственной власти в последующие столетия – это почти никогда не прекращающаяся борьба между «государственной» традицией, укрепляемой рационалистскими, просвещенческими иллюзиями, и суровой реальностью полного отклонения абсолютизма от прогрессивных, а часто даже и всего лишь рациональных программ.

Противоречивость положения интеллигенции подпитывалась двоякостью исторических судеб абсолютизма.

Русский абсолютизм в своем современном великодержавном виде укрепился, на удивление, неожиданно быстро. Этого удалось достичь благодаря сосредоточению всех сил гигантской империи на ограниченное количество, прежде всего, внешнеполитических целей. Внутренние реформы были значительными, но по своей сути, опять-

* Статья была опубликована на чешском языке в журнале «Dějiny současnost» (Praha. 1969. № 6. P. 13 – 16).

http://www.phisci.ru

таки прагматически направленными на производство пушек и ружей для армии, строительство дворцов для презентации. Интеллигенция начала постепенно осознавать, что декларируемая абсолютизмом цель «всеобщего блага», если она вообще когда-либо мыслилась всерьез, отходит на задний план. Назрела необходимость иной формы правления. Однако поднять голос против правительства означало выступить против внешнеполитических успехов России, или же ослабить ее в кризисной ситуации в международных отношениях, иными словами, нанести ей пресловутый удар ножом в спину. Путь реформ, и тем более революционный путь означал переориентацию гигантских средств на множество новых задач, их рассредоточение, и таким образом – временное исключение России из круга европейских держав. Патриотизм специфического рода, метко названный Лениным «великодержавным шовинизмом», вступал в данном случае в противоречие с патриотизмом, я бы сказал, «научным», отличающимся стремлением к всестороннему развитию страны на разумных основах.

Сменить правление и при этом не поколебать великодержавный статус страны, представляемый интеллигенцией, которая в определенной мере является и его носителем, такую неразрешимую дилемму пытается решить целый ряд поколений русской интеллигенции. И хотя уже на ранних стадиях перед ней стоял пример Французской революции, которая вовсе не сделала Францию слабее, колебания продолжаются, особенно когда на этот опыт начинают наслаиваться уроки бонапартистского перерождения нового общества, поражений революционных попыток 20-х годов XIX века, как-то «ничем» кончающихся взрывов «весны народов»...

Эта ситуация, незавидная с психологической точки зрения, становится трагической, если принять во внимание расстановку сил, инструменты влияния и коммуникации между различными слоями населения и отдельными людьми.

Призыв к власти

К кому было обратиться интеллигенции, когда обнаружилось, что ее надежды остаются напрасными? Главным и самым естественным выходом казался ее бывший союзник, то есть сам абсолютизм, будь то в лице государя или же его приближенных. Так и поступила русская интеллигенция. Значительным шагом в этом направлении была полемика в сатирических журналах на переломе 60-х и 70-х лет XVIII века. Первый сатирический журнал, в рамках своих всесторонних реформаторских усилий, стала издавать Екатерина II, одновременно разрешив и издание других журналов этого жанра. Результат оказался неожиданным для императрицы. Разочарование после больших надежд, возлагаемых на дискуссии о крепостничестве в созданных для этого ведомствах и печати, а главное – отсутствие

http://www.phisci.ru

друг друга. Русской интеллигенции пришлось ждать того времени, когда сложатся слои, которые не имея с ней общей цели – цель может определиться и определилась постепенно, – будут иметь с ней общий язык. Преодоление примитивизма, с одной стороны, и снобизма, с другой, способность и желание договориться – все это, наконец, открыло дорогу революции. Таким образом, не остается ничего другого, как от мысли Фауста, что вначале было дело, вернуться к библейской правде, что вначале было слово.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Надо сказать, преследования сравнительно сносные. Следует помнить, что XIX век еще не изобрел концлагеря, газовые камеры и т.п. Исследователи довольно часто впадают в две крайности: или предлагают нынешнему читателю современные жалобы на жестокий гнет, вызывая тем самым неправильные представления, потому что тогдашнее преследование нам, имеющим опыт XX века, может иногда казаться отдыхом, или, наоборот, рисуют его с нынешней точки зрения, то есть почти как отдых, не отдавая себе отчета, что психологически современники воспринимали это совсем иначе.

[2] Мы уже упоминали о философском трактате Радищева, написанном им в сибирской ссылке; через сто лет в подобных условиях Ленин создает свой самый крупный труд – «Развитие капитализма в России». В изгнании родились выдающиеся произведения декабристов и Достоевского, им, однако, пришлось пройти несравненно более жестокими условиями «мертвых домов» и каторги. Достойные внимания работы сибирского отделения Географического общества, по большей части, – это произведения, написанные ссыльными. Судя по всему, даже тюрьмы не были таким уж плохим местом для работы. Много трудов в них написал Чернышевский. А Писареву даже было позволено печатать написанные им труды на том основании, что мать его зависит от заработков автора!

Аннотация

В статье прослеживается история борьбы русской интеллигенции против абсолютизма, рассматриваются выбираемые ею на разных этапах истории России пути сопротивления верховной власти, способы влияния на действия ее бюрократического аппарата. Эта история борьбы, по мнению автора, свидетельствует о том, что действия интеллигенции могут улучшить ситуацию, но не могут быть решающим фактором ее изменения.

Ключевые слова: абсолютизм, бюрократический аппарат, власть, интеллигенция, просвещение, критика, оппозиция, реформы, народ, народничество.

Summary

This article traces the history of the struggle against the autocracy of the Russian intelligentsia, it discusses selected at different stages of the history of Russia the way the resistance of the supreme power, ways to influence the actions of its bureaucracy. This story of struggle, according to the author, suggests that the actions of the intelligentsia can improve the situation, but can not be the deciding factor of change.

Keywords: absolutism, bureaucracy, power, intelligence, education, criticism, opposition, reform, people, populism.

http://www.phisci.ru

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Культурная матрица

СОВРЕМЕННОСТЬ. В ПОИСКАХ НОВЫХ ИЗМЕРЕНИЙ

Как только не квалифицировали современность! И как массовое, и как постиндустриальное, и как информационное, и даже как постинформационное общество... И как постмодерн, и как постпостмодерн... З. Бауман сравнивал современность с жидкой средой... Ф. Фукуяма еще недавно говорил о конце истории, а теперь пишет о постчеловеческом будущем... И все характеристики применимы, но не дают целостного представления.

Хорошо известна притча о попытках «познания слона» по его частям: для кого-то он был длинным и гибким, для кого-то – толстым и шершавым, для кого-то – тумбообразным, для кого-то коротким и тонким как веревочка, для кого-то твердым и кривым... Но в притче речь шла о слепых, каждому из которых была доступна лишь какая-то часть слона: кому хобот, кому нога, кому бивень, кому хвост... Это не означает, что попытки рефлексии современности делаются вслепую. Просто социологам открывается один срез, экономистам – другой, политологам – третий, специалистам по информатике – четвертый etc...

Как представляется, это серьезный вызов философии – попытаться выработать не то чтобы обобщенное, но некое «мировоззренческое» понимание современности, позволяющее хотя бы очертить контуры этого «слона» – эпохи, в которой существуют современные общества и каждый из нас. И дело не столько в «научной картине мира», сколько именно в целостном миропонимании, включая осмысление места и перспектив человека в этом мире и этом обществе, как и состояния, и перспектив самого общества.

Попытка выработки такого представления предполагает выход в некоторый контекст. Смысл слова, как известно, следует из фразы, смысл фразы – из текста, смысл текста – из контекста... И где та «позиция вненаходимости», о которой говорил М.М. Бахтин? Пассивность философии в ее поиске уже привела к характеристике современности как преимущественно «постсекулярности»...

Редакция журнала инициирует попытку таких поисков. В целях более широкого привлечения внимания к проблеме мы решили использовать вместо традиционного формата подборки статей и «виртуального круглого стола» серию статей в развитие данной темы.

Открываем мы эти поиски статьей В.А. Сулимова, посвященной критике современных культурных и интеллектуальных практик. Ряд авторов журнала работает по другим направлениям проблемы. Надеемся, что эта серия статей вызовет отклик более широкого круга авторов.

От редакции

http://www.phisci.ru

СОСТОЯНИЕ ПЕРЕХОДНОСТИ: «ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» ИЛИ УТРАТА СМЫСЛОВ

В.А. СУЛИМОВ

Культура современного общества демонстрирует явные признаки распада, по крайней мере, дезинтеграции. И это при столь интенсивных коммуникациях, развитых информационных технологиях, экономической глобализации! И тем не менее...

Как это обычно и происходит, на симптомы распада наиболее остро реагирует искусство. Примета современного искусства – экзистенциально переживаемая недостаточность бытия. Это особое экзистенциальное состояние (ощущение бытия, лишенного идеациональной – П. Сорокин – подкладки) прочитывается не только в философском пессимизме современного «высокого искусства», но буквально во всем: в трупных пятнах, заинтересованно (а иногда и весело) рассматриваемых героями сериала «След», в рваных ритмах и истошных воплях пост-роковых музыкальных клипов на улицах и стадионах, в приклеенной улыбочке барышень из рекламы фирмы «Лореаль», в лишенных всякой логики телевизионных дискуссиях ВИП-персон. Гипертрофированная недостаточность бытия, оформленная в виде отвратительных анимационных брендов-рептилий, составляет драматическое существо популярного фильма этого года «Москва 2017».

Легко читаемые индикаторы современного «искусства масс» приоткрывают куда более сложные тренды современной культуры. Эстетическая обертка повседневности серьезно разрушена, этическая вертикаль ценностей разломана на небольшие, хаотически разбросанные фрагменты непосредственно переживаемых локальных событий. Речь уже не идет о «ценностной вертикали», речь идет о всегда возможном срыве в агрессивное состояние под социально-психологическим давлением внешних форм (все равно: модернизации или насильственного по сути перехода индивидуума к провозглашаемым «эффективными» способам деятельности). На авансцену истории выступает универсальный социально-культурный актор – «профессиональный наблюдатель» (или иначе говоря – эффективный менеджер), сознание которого лишено эмоционально-оценочных блоков восприятия действительности и развертки субъектных диалоговых систем (систем «со»): сотрудничества, сострадания, сочувствия, сопричастности, наконец, совести. Они успешно заменены прагматически оцениваемым не-персонифицируемым набором стандартных социальных практик. Профессиональный наблюдатель как социальная фигура очень напоминает универсального потребителя 1960-х, но располагается в иной –

http://www.phisci.ru

интеллектуально-когнитивной сфере социального. Он выражает себя как необходимость социально-культурного реформирования, а точнее – «опрощения», когнитивного «демократизма», иногда возводимого в ранг устойчивой идеологии повседневного действия. В условиях социально-культурного слома, несущего черты глобальной интеллектуальной депрессии и нравственной стагнации, именно институт «профессиональных наблюдателей» активно распространяет «простые» логические и информационные приемы, вроде *целевой абдукции*, объявляющей желаемое целесообразным, *отрицания оснований*, когда вывод делается по логически несвязанным, парадоксальным *полаганиям*, или *объективации субъективного*, когда мифологическому утвердительному высказыванию приписываются объективные черты в результате многократного повтора. Искусство *творить и изображать* уступает свое место искусству *конструировать отсутствующее.* При этом максима «Цель оправдывает средства» снова выступает в роли некоторого исторического завершения временного периода, когда окончательное преодоление категорического императива И. Канта «Человек – цель, а не средство» кажется поистине неизбежным.

Происходит хорошо наблюдаемая глобальная перемена традиционно выстраиваемого триединства «человек – культура – общество», распадающегося на отдельные, логически (да и тематически) не связанные фрагменты: *Человек* (некоторый субъект, способный к прямому технологическому пониманию мира, повседневным социально-экономическим и коммуникативным практикам, не обремененный внутренним «дискурсом совести») / *Культура* (некоторая область услуг или отрасль экономики, осуществляющая информационно-развлекательное обеспечение повседневности) и *Общество* (связанная *интересами* группа потребляющих особей, выполняющих ряд навязанных им ритуальных действий, описанных в виде набора «социальных ролей и стандартов»)[1].

В этой связи именно негативная часть процесса переходности, представленная Н.А. Хреновым как «кризис и распад культуры», демонстрирует четкость проявления признаков. Что касается позитивной части социально-культурной переходности, характеристику которой Н.А. Хренов генетически выводит из понятия идеациональной культуры Питирима Сорокина, то здесь дело обстоит сложнее. В идеале она не только призвана демпфировать разрывные тенденции социокультурной реальности, но и должна обладать зародышевыми элементами новой культуры и, соответственно, новой социальности, обеспечивая собственно переходность: «*Оборотной стороной кризиса является... трансформация, обновление. По сути дела, происходит увядание одной и рождение другой системы ценностей*»[2].

Вместе с тем совершенно не ясно, какие признаки трансформации процесса переходности в «обновленный» социально-культурный мир

http://www.phisci.ru

Предсказанная Маклюэном социально-культурная тенденция в наше время становится реальностью: порождение сомнамбул – это действие современных информационных технологий в роли легального нейронаркотика, поставляющего *бредовые состояния* вместо интеллектуальных практик. Именно в этом процессе заключается сакральный характер информационного мифа – предельной мифологизации сознания в форме *символического бреда*.

Бегство от свободы Э. Фромма обернулось бегством от настоящего М. Маклюэна, представлявшего современное повседневное сознание как суммарный ремейк прошлых символических состояний: «*Психическое и социальное воздействие новых технологий и окружающей среды, возникающей в результате их внедрения, обратит вспять все характерные психические и социальные последствия былых технологий и их окружающей среды*»[14].

Технократическая идея гарантированного социального прогресса и обязательного комфортного интеллектуального состояния индивидуума в результате широкого использования персонального компьютера, по-видимому, провалилась. Постулируемая М. Маклюэном идея использования компьютера как средства для программирования гармоничной и эффективной окружающей среды, создания нового «мирового порядка», основанного на эффективных интеллектуальных практиках не нашла подтверждения в нашем современном социальном «ничто». Именно то, что казалось Маклюэну тридцать лет тому назад неважным, периферийным, стало главным в стандартном неосмысленном мире нашей повседневности, а сама его фраза получила оригинальный риторический оттенок: «*Настоящая польза от компьютера не в том, чтобы сокращать штаты и затраты, ускорять или успокаивать что-либо, происходящее в данный момент. Настоящая его функция в том, чтобы программировать и гармонично управлять земной и галактической окружающей средой и энергией*»[15].

Искренне жаль, что встреча теоретического предвидения с реальностью уже состоялась и расставила свои акценты. Ясно одно: ситуация переходности достигла уровня социальной деструкции и не может быть изменена без серьезного интеллектуального усилия продуктивного субъекта: человека-в-культуре. Конечно, проблема этого «нового человека» заключается в эффективности интеллектуальных технологий. Но только ли в них?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Просматривается аналогия социальной структуры официально презентируемого российского общества с театром дель-арте, в котором всем участникам предписаны роли. Это хорошо видно по набору героев телевизионных реалити-шоу или телевизионных сериалов (бизнесмен, полицейский, проститутка, пенсионер, бандит, «человек труда» – водила, уборщица или официантка и т.д.), причем

http://www.phisci.ru

взаимоотношения между ними лишены философско-социальной осмысленности и носят явно ритуальный зарактер.

[2] *Хренов Н.А.* Социальная психология искусства: переходная эпоха. – М.: Альфа-М, 2005. С. 482.

[3] *Маклюэн М., Фиоре К.* Война и мир в глобальной деревне. – М.: АСТ; Астрель, 2012. С. 34.

[4] *Конев В.А.* Критика опыта сознания: Семинарские занятия по трактату М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского «Символ и сознание». – Самара: Самарский ун-т, 2008. С. 65.

[5] *Свасьян К.* Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. 2-е изд. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. С. 61.

[6] Например, разрушение социальности в результате временной энтропии хорошо просматривается на примере судьбы детских дворовых банд, при этом особенно печальна судьба тех членов банды, которые «задержались» в ролевом пространстве уже оконченной игры.

[7] В этом смысле «воспитание» актера в духе К.С. Станиславского легко заменяется актерскими техниками, основанными на приемах движения и мимики. Проникнуть во внутренний мир героя нельзя, потому что попросту некуда.

[8] *Поппер К.* Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 62.

[9] Естественно, что фантомный мир абдуктивно-соллиптических кластеров можно бесконечно «повторять», «рассматривать», «анализировать» и даже «совершенствовать», причем приблизительно так же, как это делают игроки компьютерных игр.

[10] *Жижек С.* Чума фантазий. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. С. 145.

[11] Там же. С. 146.

[12] *Сибрук Д.* Norbow. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. С. 210.

[13] *Маклюэн М., Фиоре К.* Война и мир в глобальной деревне. С. 81.

[14] Там же. С. 95.

[15] Там же. С. 104.

Аннотация

Современная культура демонстрирует признаки распада. Это результат социальных процессов переходности. Возможности преодоления негативного состояния всеобщего отрицания обнаруживаются в применении интеллектуальных практик. Особая роль в этом принадлежит культурной личности.

Ключевые слова:личность, культура, интеллектуальные практики.

Summary

Modern culture shows some signs of decay. This is the result of social processes of transition. Possibility of overcoming the negative state of public denial is found in the application of intellectual practices. Special role in this process belongs to a cultural personality.

Keywords: personality, culture, intellectual practices.

http://www.phisci.ru

Язык. Логос. Абсолют

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ О ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ЯЗЫКА
Статья 1. «ОПРАВДАНИЕ» ЛОГОСА

О.Б. ПАНОВА

Культ Слова в русской культуре

Русская философия языка, вернее, *философия слова, имени*, изначально развивалась в мировом общефилософском и, более того, очень широком историко-культурном контексте. Ее многовековая история определяется самой логикой развития русской философии в целом, софиологической традицией Всеединства в русской культуре, совпадает с историей духовного становления России, включая непрерывный диалог с наследием восточной мудрости и западноевропейской философской мыслью и восходит к религиозному культу Слова и Тишины – благоговения перед Словом, «свидетельствующим об Истине»[1]. С.С. Аверинцев отметил ключевое судьбоносное *событие* ее самообретения, знаменующее коренное изменение самого русского мировоззрения, – принятие *христианства* и искреннее, глубоко сердечное, восприятие благой вести, Слова Евангельского Откровения, Христианского Логоса, Логоса Любви. Ученый показал, какое исключительное значение имело это событие (которое на самом деле было событием всемирного, вселенского масштаба, означающим исторически решающий момент в судьбе Человечества, весьма важный всеобщий сдвиг Культуры[2]) для становления русской словесности, насколько серьезную – *мировоззренческую* – роль сыграло христианство в истории русской культуры. «Каким бы ни было богатство автохтонных традиций восточно-славянского язычества... *только с принятием христианства* русская культура через контакт с Византией преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальные измерения. Она соприкоснулась с теми библейскими и эллинистическими истоками, которые являются общими для европейской семьи культур и до известной степени роднят ее с культурами исламского круга... Из греческого наследия русские ученики восприняли веру в вещественность, субстанциальность слова, которое не только verbum, не только rhēma, но и *logos*. *Слово здесь не просто звук и знак, чисто «семиотическая» реальность, но и драгоценная сакральная субстанция*»[3].

Питаясь от родных корней языческого мифопоэтического мировосприятия Славянского культурного мира, творчески входя в круг эллинских проблем, русский логос обретает себя в стихии

http://www.phisci.ru

восточно-христианского дискурса под непосредственным влиянием византийского богословия. Лингвофилософское течение охватывает тысячелетия истории русской культуры. Философское постижение природы Языка осуществлялось общими усилиями русской живописи, духовная вершина которой – древнерусская иконопись, безмолвное художественное восприятие Слова-Откровения, «философия в красках»[4] (Феофан Грек, Андрей Рублев, Дионисий Ферапонтовский); богословских учений Средневековой Руси (Сергий Радонежский, Нил Сорский, Артемий Троицкий, Максим Грек), воспринявшей традицию духовных практик исихазма[5], «почитающей слово событием нашей сокровенной жизни»[6]; русской софиологии и философии всеединства (В.С. Соловьев, Н.Н. Страхов, В.В. Розанов, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Л. Шестов, Н.О. Лосский, В.Ф. Эрн, Б.П. Вышеславцев, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, Г.В. Флоровский, В.В. Зеньковский); русского имяславия (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев); русского неокантианства (А.Н. Введенский, П.И. Новгородцев, Б.А. Фохт, А. Белый, Б.Л. Пастернак, Ф.А. Степун, Б.В. Яковенко), русской словесности и русской поэзии (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, Ф.И. Тютчев, В.В. Набоков, И.А. Бродский и многие другие), превращаясь в единый творческий поиск русским богословием, русской мыслью сути Божественного Логоса, Слова-Откровения. Соответственно его специфика может быть понята только исходя из своеобразия русского логоса в его целостности, только с учетом особенностей русской культуры и русского мировосприятия.

В чем состоит это своеобразие? Наиболее убедительно суть его выразил А.Ф. Лосев, попытавшийся с вершин русской философской мысли охватить одним взглядом всю ее историю, проникнуть в истоки и выявить основания философского мышления: «... здесь мы должны быть *мифологами*, потому что почти вся русская философия являет собой до-логическую, до-систематическую, или, лучше сказать, *сверх-логическую*, *сверх-систематическую* картину философских течений и направлений... Только в России существует такая острая нехватка философских систем. Наверное, в этом есть глубокий смысл. Причина этого не только во внешних условиях, но, скорее, прежде всего, во внутреннем строении русского философского мышления... Основание западноевропейской философии – ratio. Русская философская мысль, развившаяся на основе греко-православных представлений, в свою очередь во многом заимствованных у античности, кладет *в основание* всего *Логос*. Ratio есть человеческое свойство и особенность; *Логос метафизичен и божественен*... Русская *самобытная* философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным ratio и восточно-христианским, конкретным богочеловеческим Логосом и является беспрестанным,

http://www.phisci.ru

Премудрости Божией, однажды сотворившей и непрерывно творящей Мир, вечно пребывающей в основе Красоты Миро-творения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Евангелие от Иоанна (18 : 37): «Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы *свидетельствовать об истине*; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего».

[2] Русский богослов Г.В. Флоровский утверждает, что проблема «христианство и культура» есть *постоянная* проблема в истории Культуры Человечества: «Христианство фактически вошло в мир в один из самых критических периодов истории, во время серьезного кризиса, который был в конечном итоге разрешен созданием культуры христианской... Ранние христиане стояли перед цивилизацией римского и эллинистического мира... сама эта цивилизация была изменчивой и неустойчивой, она пребывала в отчаянной борьбе и кризисе... Древний мир сопротивлялся обращению потому, что оно означало радикальное изменение и ломку его традиций... В данном случае важно то, что античная культура оказалась достаточно гибкой, чтобы воспринять внутреннее ”преображение”. Или же, другими словами, христиане доказали, что возможно переориентировать культурный процесс, придать иную форму самому строю культуры в новом духе». И перекидывает мост в современную кризисную эпоху, современность как таковую, акцентируя глубокую взаимозависимость утраты веры и кризиса Культуры: «...наша современная культура или цивилизация находится в состоянии *испытания*... наша эпоха есть эпоха критическая, век кризиса, век неразрешенных напряженностей. Сегодня часто приходится слышать о ”конце нашего времени”, об ”упадке Запада”, о ”суде над цивилизацией”, и тому подобное... Мы уже живем в мире ”пост-христианском”, в мире, который будь то осознанно или подсознательно, отошел или отпал от христианства. Мы живем на развалинах цивилизаций, надежд, систем и душ. Что именно мы хотим сказать, когда говорим о ”кризисе культуры”? Мы утверждаем, что в основе нашего современного кризиса лежит именно *отход от христианства*, с какой бы исторической датой мы не связывали начало этого отхода. Наш век есть, прежде всего, век неверия, а значит – век неуверенности, неразберихи и отчаяния» (*Флоровский Г.В.* Вера и культура. Избр. труды по богословию и философии. – СПб.: РХГИ, 2002. С. 650 – 653, 661 – 663).

[3] *Аверинцев С.С.* Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст-90. – М.: Наука, 1990. С. 64, 67.

[4] См.: *Бычков В.В.* Феномен иконы. История. Богословие. Эстетика. Искусство. – М.: Ладомир, 2009. С. 258.

[5] От греч. ἡσυχία – уединение, покой, тишина, молчаливое предстояние пред Ликом Божиим, искусство глубокой внутренней сосредоточенности в безмолвном молитвенном созерцании.

[6] *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // *Флоренский П.А.* Имена / сост., вступ. статья и прим. С.А. Филоненко. – М.: Эксмо-Пресс; Фолио,1998. – С. 244.

[7] *Лосев А.Ф.* Русская философия // *Лосев А.Ф.* Страсть к диалектике. Литературные размышления философа. – М.: Советский писатель, 1990. С. 68, 70, 76, 78. См. также: *Трубецкой С.Н.* Учение о логосе в его истории. Философско-историческое исследование. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000.

[8] *Эрн В.* Борьба за Логос. – Мн.: Харвест, 2000. С. 73.

http://www.phisci.ru

[9] *Булгаков С.Н.* Философия имени. – СПб.: Наука, 2008. С. 187 – 188.

[10] *Гершензон М.О.* Тройственный образ совершенства // *Гершензон М.О.* Избранное. В 4 т. Т. 4 / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. – М.; Иерусалим: Университетская книга: Gesharim, 2000.

[11] *Хоружий С.С.* Что такое SINERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 19 – 36. См. также: *Хоружий С.С.* Опыты из русской духовной традиции. – М.: Парад, 2005; Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / сост. и общ. ред. С.С. Хоружего. – М.: Прогресс-Традиция, 2010.

[12] *Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания. Избр. труды по философии культуры / отв. ред. Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 165, 208, 351.

[13] *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями // *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 10 т. Т. 6 / сост. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. – М.: Русская книга, 1994. С. 20, 22.

[14] Греч. λόγος – слово, изречение по смыслу, разум, рассуждение, причина, понятие, смысл, положение, определение, учение.

[15] *Эрн В.* Борьба за Логос. С. 3, 347.

[16] *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на тему Гумбольдта // *Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания. С. 427.

[17] *Мотрошилова Н.В.* Мыслители России и философия Запада. – М.: Республика, 2006. С. 9, 15, 131.

[18] *Лосский Н.О.* История русской философии. – М.: Прогресс, 1994. С. 471 – 472.

[19] *Вышеславцев Б.П.* Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 62 – 87.

[20] *Моисеев В.И.* Логика всеединства. – М.: ПЕР СЭ, 2002.

[21] *Соловьев В.С.* Философские начала цельного знания // *Соловьев В.С.* Соч. В 2 т. Т. 2 / общ. ред. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1990. – С. 232, 192 – 194.

[22] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 / под. ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 139 – 140.

[23] *Эрн В.* Борьба за Логос. С. 348.

[24] *Франк С.Л.* Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философские науки. 1990. № 5. С. 85.

[25] «Тема времен Сократа заключалась... в попытке вытеснить спонтанную жизнь, заменив ее чистым разумом... Тема нашего времени заключается в придании разуму жизненности... Чистый разум необходимо заменить жизненным разумом, в котором он находит свое место, обретает подвижность и силу изменчивости... Культура вырастает из жизненных корней субъекта… Культура жива, пока она получает приток жизни от субъектов. Когда он прерывается, культура отдаляется и незамедлительно засыхает, становясь священнодействием. У культуры есть и свой час рождения, и час священства; час лирический и час начинающегося окостенения, час завершения. В эпохи реформ, вроде нашей, нужно отказать в доверии завершенной культуре и содействовать культуре нарождающейся» (*Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? – М.: Наука, 1991. С. 25 – 29).

http://www.phisci.ru

[26] *Тарасов Б.Н.* «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. – М.: Языки славянских культур, 2009. С. 277, 280.

[27] *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. С. 24 – 29.

[28] Там же. С. 121 – 142.

[29] *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 2001. С. 112.

[30] *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на тему Гумбольдта. С. 352, 247.

Аннотация

В статье рассматривается русская философия языка в широком контексте философии всеединства и истории русской культуры в целом. В истоке возникновения и развития лингвофилософского течения в русской культуре лежит культ Слова, Логоса. Выявляется специфика понимания русскими мыслителями природы и сущности Языка, принципиально отличного от понимания, сложившегося в западноевропейской философии. Особое внимание уделяется ключевой проблеме связи Языка и Сознания в русском философском дискурсе.

Ключевые слова: Слово, язык, сознание, русская философия всеединства, русская культура.

Summary

The paper considers Russian philosophy in the broad context of philosophy of all-encomprising unity and history of Russian culture in general. The origins of the establishment and development of linguo-philosophical school of Russian culture is due to the cult of Word, Logos. The author reveals the peculiarity of understanding of nature and entity of the language by Russian thinkers which is fundamentally-different from the understanding established in West-European philosophy. Special emphasis is given to the key problem of the connection between the Language and Consciousness in Russian philosophic discourse.

Keywords: Word, language, consciousness, Russian philosophy of all-encomprising unity, Russian culture.

http://www.phisci.ru

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Логика и логическое образование

ЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В.А. БАЖАНОВ, В.И. МАРКИН

Человек, который хочет достичь совершенства,
должен изучить логику.

М. Маймонид

Логики России и СССР внесли значительный вклад в развитие как классической логики (начиная с П.С. Порецкого и до А.Н. Колмогорова, П.С. Новикова, Ю.В. Матиясевича и Ю.И. Манина), так и неклассической (Н.А. Васильев, М.И. Шейнфинкель, И.Е. Орлов, Д.А. Бочвар, А.А. Марков).

Пионером применения логики в технических системах был В.И. Шестаков (вместе с А. Тьюрингом). Однако судьба логики (и соответственно логического образования) в России и СССР оказалась полной драматизма: периоды высоких достижений перемежались с резко негативным (в лучшем случае снисходительным) отношением к логике и логическому образованию со стороны государственной власти.

Краткая история логического образования в России до 1917 г.

История логической мысли России восходит к X в., когда на Руси появились первые сочинения, содержащие логические знания[1]. Эти сочинения носили учебный характер, хотя регулярное логическое образование в России отсутствовало до создания Еллинско-греческой (позднее Славяно-греко-латинской) академии в 1685 – 1687 гг. Софроний Лихуд (1652 – 1730), один из основателей академии, преподавал учение Аристотеля и его логику на основании комментариев аль-Фараби. В 1690 гг. логика читалась С. Яворским (1658 – 1722) в Киево-Могилянской академии.

В университете при Петербургской академии наук (1725) была открыта кафедра логики и метафизики, которую занимал Г.-Б. Бильфингер. Первым профессором Московского университета по кафедре логики, метафизики и практической философии был И.-Г. Фроманн, приглашенный из Штутгарта; после него в 1765 г.

http://www.phisci.ru

кафедру возглавил Д.С. Аничков (1733 – 1788), издавший труд «Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих смертного от разных заблуждений» (1770). Во второй половине XVIII в. в России все активнее стали издаваться учебники по логике (*Макарий П.* Логика феоретическая, собранная из разных авторов и удобным порядком расположенная. – М., 1759; *Козельский Я.П.* Философские предложения. – СПб., 1768; *Болотов А.Т.* Детская логика, сочиненная для употребления российского юношества. – М., 1787; *Мочульский И.* Логика и риторика для дворян. Словеснословие и песнопение, то есть грамматика, риторика и поэзия в кратких правилах и примерах. – М., 1789; *Никольский Н.А.* Логика и риторика, кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенные. – СПб., 1790; *Рижский И.С.* Умословие или умственная философия, написанная в Санкт-Петербургском горном училище в пользу обучающегося в нем юношества. – СПб., 1790 и др.).

Особенно важное значение для становления логического образования в России имело издание на русском языке в 1760 г. «Логики» Хр. Баумейстера (1708 – 1785) и в 1765 г. книги Хр. Вольфа (1679 – 1754) «Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной». Фактически все русские сочинения по логике находились под влиянием подхода к науке Вольфа. Однако в России широко использовались и оригинальные немецкие издания. Например, Н.И. Лобачевский при знакомстве с логикой пользовался учебником И. Кизеветтера, который был издан в Берлине в 1795 г.

В начале XIX в. в России открылся ряд университетов (Юрьев, 1802; Казань, 1804; Харьков, 1805; Санкт-Петербург, 1819). Это заметно активизировало издание логической литературы, которая носила преимущественно учебный характер. С 1806 по 1820 г. едва ли не каждый год выходили учебные книги по логике (*Богданов П.* Краткая логика. – М., 1806; *Лубкин А.С.* Логика. – М., 1807; *Мочульский Ф.* Логика, риторика и поэзия. – Харьков, 1811; *Ивашковский И.* Начала логики. – СПб., 1814; *Лодий П.Д.* Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного. – СПб., 1815; *Любочинский Л.* Логика или умоучение. – Харьков, 1817; *Талызин М.* Начальные основания риторики и поэзии с предварительным объяснением логических правил. – СПб., 1818 и др.).

Не менее основательно логика преподавалась также в духовных академиях (Петербург, Казань, Москва, Киев) и семинариях (Воронеж, Коломна, Псков, Вятка, Нижний Новгород, Симбирск, Тверь и т.д.). Учебник «Краткая логика и риторика для учащихся в Российских духовных училищах» был издан еще в 1803 г.

Когда в 1850 г. вышло Высочайшее повеление Императора об ограничении преподавания философии в университетах и Ришельевском

http://www.phisci.ru

дарства: когда государство даровало новые степени свободы своим гражданам и склонялось к рациональному стилю управления обществом, логическое образование расширялось, а когда политические и экономические свободы урезались, когда доминировало убеждение, что «политика не может не иметь первенства над экономикой», т.е. возрастал удельный вес нерациональных компонентов в управлении и активизировались центростремительные тенденции, укрепляющие своеобразно понятую «вертикаль власти», – в эти периоды страдало и логическое образование.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: *Бажанов В.А.* История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. – М., 2007; История логического образования в Казанском, Киевском, Московском и Санкт-Петербургском университетах излагается также в кн.: Логика в университетском образовании / *А.Е. Конверский, В.А. Бажанов, В.И. Кобзарь и др.* – Киев, 2012.

[2] Подробнее см.: *Бажанов В.А.* Логика в России и православная церковь // Логические исследования. Вып. 18. – М., 2012.

[3] См.: *Бажанов В.А.* Партия и логика. К истории одного судьбоносного постановления ЦК ВКП(б) 1946 года // Логические исследования. Вып. 12. – М., 2005.

[4] См.: *Бажанов В.А.* История логики в России и СССР. – С. 114 – 130.

Аннотация

В статье рассматривается история логического образования в СССР и России. Предпринимается попытка осмыслить проблемы этого образования в настоящее время. Обращается внимание на то, что эта история в советское время носила драматический характер. Авторы склонны констатировать факт, что расцвет этого образования пришелся на так называемый период перестройки и начало XXI в., а ныне наблюдается своего рода откат в масштабах и глубине преподавания логики, вызванный переходом к западной системе высшего образования.

Ключевые слова: формальная логика, теория аргументации, история логики, логическое сообщество России.

Summary

The paper deals with logical education in the USSR and Russia. The attempt is made to conceive current problems within logical education in this country. Authors claim that logical education suffered sizable losses in early Soviet period but became rather popular since 1970's. Its evident climax was reached in the era of so called perestroika, and the outset of 2000's. At present moment sharp decline in logical education in Russia is noticeable which is caused to the transition to Western (two level) standards of higher education.

Keywords: formal logic, theory of argumentation, history of logic, Russia's logical community.

http://www.phisci.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ ЛОГИКИ НА УКРАИНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.В. ХОМЕНКО

История. Логику в украинских вузах преподают с конца XVI столетия. Именно тогда под влиянием Западной Европы на украинских землях начинают появляться первые высшие учебные заведения – академии. В 1583 г. в Остроге украинский магнат и киевский воевода, князь Константин-Василий Острожский основал Острожскую славяно-греко-латинскую академию, а в 1594 г. была открыта Замойская академия.

Образовательные программы академий строились по образцу европейской системы образования и охватывали семь так называемых свободных наук, которые делили на тривиум (грамматика, риторика, логика) и квадривиум (арифметика, геометрия, музыка и астрономия). Особое внимание уделялось тривиуму. Учебные курсы по логике, называемые иногда диалектикой, строились по программам европейских университетов того времени. Для ее преподавания в украинские академии даже специально приглашали иностранцев.

В XVII в. уже в Киеве открывается знаменитая Академия Петра Могилы, которая начинает свою деятельность как Братская школа (1615 – 1632), со временем после объединения с Лаврской гимназией становится коллегией – сначала Киево-Братской, а потом Киево-Могилянской, а с 1701 г. по указу Петра I – академией. К логике здесь отношение было очень уважительное. Среди преподавателей были знаменитые Иннокентий Гизель (1600 – 1683), Стефан Яворский (1658 – 1722), Феофан Прокопович (1681 – 1736) и др.

Такое отношение к этой дисциплине сохранилось до 20-х годов XX в. Логика входила в цикл философских дисциплин, и ее преподавали во всех высших учебных заведениях Украины, как светских, так и духовных.

Так, например, в киевском Императорском Университете Св. Владимира, который был открыт в 1834 г., кафедра философии была общеуниверситетской. Логику в обязательном порядке преподавали для студентов всех трех факультетов: и философского, и юридического, и медицинского.

А для того чтобы поступить в Киевскую духовную академию, открывшуюся в 1819 г. после закрытия в 1817 г. Киево-Могилянской академии, необходимо было сдать сложные вступительные экзамены. Среди них была и логика. Кроме того, логика занимала достойное место и среди философских наук, которые преподавали в академии. Полный академический курс составлял четыре года и делился на два

http://www.phisci.ru

двухгодичных этапа: нижний и высший. Логику читали всем студентам академии на первом году обучения вместе с историей древней философии и психологией.

Современный статус логики в украинских вузах. А как же сейчас обстоит дело с преподаванием логики в украинских вузах? Какое место она занимает среди других учебных дисциплин?

Для ответа обратимся к нормативным документам. В приказе Министерства образования и науки Украины № 831 от 25 августа 2010 г. был определен перечень дисциплин по выбору гуманитарной и социально-экономической подготовки студентов образовательно-квалификационного уровня «Бакалавр» всех направлений подготовки специалистов. В этот перечень, наряду с «Политологией», «Социологией», «Психологией», «Этикой и эстетикой», «Религиоведением», «Основами конституционного права», «Экономикой», «Историей науки и техники», вошла и «Логика».

В соответствии с приказом Министерства объем дисциплин по выбору имеет право определять высшее учебное заведение. Так, например, в Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко (КНУТШ) преподавание таких учебных дисциплин планируется с третьего семестра, а их минимальный объем должен составлять не менее двух кредитов ECTS. Кроме того, перечень дисциплин должен быть единым для всех направлений, по которым проводится подготовка на факультете, и не должен превышать пяти дисциплин.

В приказе Министерства оговаривается также, что вузы имеют право вносить изменения в приведенный выше перечень выборочных дисциплин с учетом особенностей направлений и специальностей. Например, в КНУТШ разрешено факультетам и институтам изменять этот перечень и дополнять его дисциплинами из списка, утвержденного постановлением Научно-методического совета университета. В этот список входят 89 дисциплин по таким направлениям: образование; коммуникации; религия и теология; история; философия[1]; искусство, культура и культурология; социология и политология; психология; журналистика и информация; бизнес и управление; право.

Таким образом, логика в настоящее время не является основной дисциплиной в украинских вузах. Ее статус – дисциплина по выбору. Это означает, что, с одной стороны, все зависит от желания студентов. Если им понравилась программа курса логики, они написали заявления, что хотят прослушать именно этот курс, то логику для этой группы студентов будут читать. При этом, например, в КНУТШ, минимальная группа студентов должна состоять не менее чем из 25 человек. Но они могут выбрать и другие дисциплины из перечня возможных. При этом мотивом может стать не значимость того или иного предмета для профессиональной подготовки студентов, а, например,

http://www.phisci.ru

входят две дисциплины, которые читает кафедра логики: «Логика» и «Теория и практика аргументации».

[2] *Бочаров В.А., Маркин В.И.* Введение в логику. – М.: ИД «Форум»; Инфра-М, 2008.

[3] Символическая логика. – СПб: Издательство СПбГУ, 2005.

[4] В советское время, когда преподавание логики в украинских вузах повсеместно проводилось на русском языке, был издан всего лишь один украиноязычный учебник (см.: *Руденко К.П.* Логіка. – Киев, 1976).

[5] Среди их работ можно назвать такие учебники и учебные пособия: *Конверський А.Є.* Логіка. – Киев, 1998; *Конверський А.Є.* Логіка: традиційна та класична. – Киев, 2000; *Конверський А.Є.* Логіка. – Киев, 2004, 2008; *Конверський А.Є.* Логіка: традиційна та сучасна. – Киев, 2004, 2007, 2008 и др.; *Хоменко І.В., Алексюк І.А.* Основи логіки. – Киев, 1996; *Хоменко І.В.* Логіка-юристам. – Киев, 1997,1998; *Хоменко І.В.* Логіка в задачах. – Киев, 1998; *Хоменко І.В.* Логіка для юристів. – Киев, 2001, 2004; *Хоменко І.В.* Логіка. Практикум. – Киев, 2001; *Хоменко І.В.* Еристика. – Киев, 2001; *Хоменко І.В.* Еристика. Теорія та практика суперечки. – Киев, 2008; *Хоменко І.В.* Логіка. – Киев, 2004, 2007; *Хоменко І.В.* Логіка. Теорія і практика. – Киев, 2010 и др., *Щербина О.Ю.* Логіка для юристів – Киев, 2001, 2007; *Колотілова Н.А.* Риторика. – Киев, 2007.

Аннотация

Статья посвящена обсуждению проблем и перспектив преподавания логики и дисциплин логического цикла на Украине. В ней раскрываются следующие вопросы: история и современное место логики в украинских университетах; профессиональный уровень преподавателей; специализация по логике; преподавание теории аргументации и риторики; учебники по логике и дисциплинам логического цикла.

Ключевые слова: образование, преподавание, логика и дисциплины логического цикла (теория аргументации, риторика и др.), место логики в украинских университетах.

Summary

The paper deals with the problems and prospects of teaching of logic and related courses in Ukraine. The paper covers the following subjects: history and contemporary place of logic in Ukrainian universities; professional level of teachers; specialization in logic; argumentation theory and rhetoric in education; textbooks on logic and related courses.

Keywords: education, teaching, logic and related courses (argumentation theory, rhetoric and others), place of logic in Ukrainian universities.

http://www.phisci.ru

РАЗВИТИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ЛОГИКИ В БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.Ф. БЕРКОВ, Я.С. ЯСКЕВИЧ, А.А. ЛЕГЧИЛИН

История преподавания логики, как и развитие логической мысли, в Беларуси имеет глубинные истоки. Опираясь на новейшие изыскания белорусских, литовских и польских исследователей, попытаемся реконструировать процесс включения логической проблематики в философскую культуру белорусского общества и выявить основные повороты в развитии логики и ее преподавания в современных условиях.

В XVI – XVIII вв. в учебных заведениях на территории Беларуси преподавалась в основном схоластизированная логика Аристотеля. К этому же времени относится и появление исследований, которые оказали большое влияние на распространение логических знаний, отвечавших новому уровню развития науки и культуры Беларуси.

Первое печатное произведение, дошедшее до нас, – «От другие диалектики Иона Спанинбергера о силлогизме вытолковано». Это уникальное издание занимает особое место в богатом и самобытном наследии белорусского кириллического книгопечатания XVI – XVIII вв. Оно никогда больше не переиздавалось. Вышедшее в типографии Мамоничей в Вильно около 1586 г., оно предназначалось для учебных целей православных, прежде всего братских школ, уделявших в то время большое внимание подготовке учащихся в сфере логики, их обучению искусству религиозной полемики[1].

Перевод этого учебного издания с латинского языка на русский был осуществлен князем А.М. Курбским. Центральное место в нем занимает учение о силлогизме. Силлогизмы подразделяются на «утверждающие и прящие» (положительные и отрицательные), рассматриваются «образцы» (фигуры) и «чины» (модусы) силлогизмов, формулируются их правила, раскрывается суть энтимемы. Изложение иллюстрируется хорошо подобранными примерами. Работе А.М. Курбского, по мнению Н.К. Гаврюшина, суждено было стать первой русской печатной работой по логике[2].

Судя по данному произведению Курбского, можно заключить, что в западнорусских землях конца XVI в. ощущался недостаток в учебной литературе по логике. Но еще большую потребность в такой литературе испытывала господствующая элита Речи Посполитой, в состав которой в XVII – XVIII вв. входили белорусские земли. Аристотелевская силлогистика в интерпретации средневековых схоластов наиболее полно отвечала интересам католической церкви. Поэтому вторая половина XVII в. и весь XVIII в. для Беларуси – это, наряду с этикой и метафизикой, – «век логики». Мы условно назвали данный

http://www.phisci.ru

период «веком логики» в его сравнении с XVI и XIX вв., когда появление логических трактатов было явлением редким. Кроме того, в XIX в. логика уже не играет той роли канона, которую она выполняла по отношению к господствующей идеологии в прошлом.

Сравнивая сочинения и учебные курсы лекций по логике в XVI, XVII и XVIII вв., исследователи обращают внимание на их форму изложения и отношение к тому или иному авторитету. Так, до середины XVII в. логические трактаты писались преимущественно в форме комментариев к «Органону» Аристотеля. Характерным в этом отношении является капитальное произведение М. Смиглецкого «Логика», изданное в 1618 г. в Вильно. Во второй половине XVII в. подобные сочинения встречаются реже. Появляется уже некоторая самостоятельность в трактовке принятых в схоластике положений Аристотеля. Исследования по истории развития схоластической логики в Литве позволили Р. Плечкайтису сделать вывод о том, что она содержала и идеи, близкие математической логике[3].

Наиболее ярко и последовательно переход от схоластической логики к логике Нового времени в регионе, в который входила территория современной Беларуси, происходит в 50 – 60-е гг. XVIII в. Как в мировоззрении в целом, так и в его фундаментальных основаниях идет ломка сложившихся стереотипов, болезненное отрицание своих собственных многовековых предпосылок. Постепенно, по мере осознания ограниченности схоластизированной аристотелевской силлогистики, она начинает подвергаться тотальной критике. Разложение схоластической логики было детерминировано как внешними обстоятельствами, связанными с социально-экономическим развитием региона, так и собственным развитием науки и культуры в Западной Европе. Отчетливо эти тенденции выражены в логических трактатах профессора философии Новогрудской коллегии С. Шадурского и профессоров философии Виленского университета Б. Добшевича и К. Нарбута[4]. Их сочинения близки не только по времени, но и по сути. Традиционные схоластические проблемы они пытаются разрешить с помощью нетривиальных логических идей, предложенных Р. Декартом, Г. Лейбницем, Х. Вольфом, Дж. Локком и другими западноевропейскими мыслителями Нового времени.

Представление о развитии логики на землях Беларуси во второй половине XVIII в. могут в определенной степени дать также рукописные трактаты (конспекты лекций неизвестных авторов): «Курс философии» (Полоцк, 1737), «Трактат о диалектике» (Новогрудок, 1744), «Источник наук, или Диалектика» (Минск, 1759), «Введение в общую философию Аристотеля» (Полоцк, 1770)[5]. В них особое внимание уделяется взаимоотношениям простых, сложных, модальных и гипотетических высказываний.

http://www.phisci.ru

адлюстравання // Запіскі Беларускай акадэміі навук. Кн. 3. – Менск, 1934; *Ильюшин И.М.* Энгельс и вопросы познания // Известия АН БССР. 1941. № 1.

[8] См.: *Кірушын П.М.* Энгельс і пытанні логікі // Весці АН БССР. 1951. № 1; *Протасеня П.* Происхождение сознания и его особенности. – Мн., 1959; *Манеев А.К.* Предмет формальной логики и диалектика. – Мн., 1964.

[9] См.: *Степин В.С., Томильчик Л.М.* Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. – Мн., 1970; *Степин В.С., Елсуков А.Н.* Методы научного познания. – Мн., 1974; Идеалы и нормы научного исследования. – Мн., 1981 и др.

[10] См.: *Берков В.Ф.* Вопрос как форма мысли. – Мн., 1972; *Хилькевич А.П.* Гносеологическая природа гипотезы. – Мн., 1974; *Степин В.С.* Становление научной теории. – Мн., 1976; *Бартон В.И.* Сравнение как форма мысли. – Мн., 1978; Гносеологические проблемы формализации. – Мн., 1969; *Уваров Л.В.* Символизация в познании. – Мн., 1971; *Буслова М.К.* Моделирование в процессе познания. – Мн., 1975. *Берков В.Ф.* Структура и генезис научной проблемы. – Мн., 1983 и др.

[11] См.: *Яскевич Я.С.* Аргументация в науке. – Мн., 1992; *Берков В.Ф.* Аргументация и вопрос // Вестник Белорусск. гос. ун-та. 1992. Сер. 3. № 3; *Чуешов В.И.* Речевая коммуникативная реальность и теория аргументации // Речевое общение и аргументация. – СПб., 1993; *Берков В.Ф., Яскевич Я.С.* Культура диалога. – Мн., 2002 и др.

[12] См.: *Вольвачев Р.Т.* Неразрешимость проблемы изоморфизма и сопряженности коммуникативных матричных групп и алгебр // Известия АН БССР. Сер. физ.-мат. наук. 1975. № 5. С. 98 – 101; *Горлов В.В.* О конгруэнциях на замкнутых классах к-значных логик, определяемых предикатами // Математические заметки. 38. 1985. № 5; *Мощенский В.А.* Специальная полнота некоторых языков к-значных логик // Методы дискретного анализа в исследовании функциональных систем (Ин-т математики СО АН СССР. Новосибирск). 1981. № 36. С. 39 – 45 и др.

[13] См.: Развіцце лагічнага мышлення вучняў у працэсе выкладання матэматыкі. – Мн., 1958; *Драбкина М.Е.* Логические упражнения по элементарной математике. – Мн., 1965; *Столяр А.А.* Элементарное введение в математическую логику. – М., 1965; *Столяр А.А.* Как мы рассуждаем? – Мн., 1968; *Кляўчэня А.С.* Роля лагічнага мышлення ў навучанні // Народная асвета. 1966. № 1; *Розет И.М.* Что такое эвристика? – Мн., 1969; *Пузиков П.Д.* Аналитическая способность мышления. – Мн., 1965; *Пузиков П.Д.* Анализ и синтез – от мысли к вещи. – Мн., 1969; *Пузиков П.Д.* Понятия и их определения. – Мн., 1970; *Бабосов Е.М.* Диалектика анализа и синтеза в научном познании. – Мн., 1963; *Берков В.Ф., Джиджян Р.З.* Логика научно-технического творчества. – Мн., 1986.

[14] См.: Логика / под ред. Г.А. Левина. – Мн., 1974; Логика / под ред. В.Ф. Беркова. – Мн., 1994; *Берков В.Ф., Яскевич Я.С., Павлюкевич В.И.* Логика. – Мн., 1996 (9-е изд. – 2007); Логика и риторика. Хрестоматия / сост: В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. – Мн.,1996 (2-е изд. – 2007); Сборник упражнений по логике / под ред. А.С. Клевчени и В.И. Бартона. – Мн., 1977, 1981, 1990; *Берков В.Ф.* Логика: Задачи и упражнения. Практикум. – Мн.; 1997 (3-е изд. – 2002); Логика. Логические основы общения: учеб. пособие для вузов. – М.: Наука, 1994; Логика. Логические основы общения. Хрестоматия / сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич, И.И. Дубинин. – М., 1994; *Берков В.Ф., Яскевич Я.С.* Логика. Пособие для учащихся средних учебных заведений. – Мн., 1998; История логики / под общ. ред. В.Ф. Беркова, Я.С. Яскевич. – Мн., 2001 и др.

http://www.phisci.ru

[15] *Лукашевич В.К.* Философия и методология науки. – Мн., 2006; *Яскевич Я.С.* Философия и методология науки. – Мн., 2007; Философия и методология науки / под ред. А.И. Зеленкова. – Мн., 2008; *Яскевич Я.С., Лукашевич В.К.* Философия и методология науки. – Мн., 2009; *Берков В.Ф.* Методология науки. Общие вопросы. – Мн., 2009 и др.

Аннотация

В статье рассматривается история развития и преподавания логики в Беларуси. В соответствии с содержанием и методикой преподавания логики выделяются несколько исторических периодов ее развития: традиционная Аристотелевская логика, логика Нового времени, классические и неклассические логики. Дается характеристика путей взаимодействия логики с логикой и методологией научного познания.

Ключевые слова: диалектическая логика, история логики, логика, логика науки, методы научного познания, обоснование, риторика, формальная логика.

Summary

The article considers the history of development and logic teaching in Belarus. According to the contents and a technique of teaching of logic some historical periods of its development are allocated: traditional Aristotelian logic, logic of New time, classical and neoclassical logicians. The author gives the characteristic of interaction of logic with logic and methodology of scientific knowledge.

Keywords: dialectic logic, history of logic, logic, logic of science, methods of scientific knowledge, justification, rhetoric, formal logic.

http://www.phisci.ru

«НАУКА РАССУЖДАТЬ» В «БЫСТРОМ МИРЕ»

А.В. ТЯГЛО

Одним из «общих мест» национальных и международных конференций последнего десятилетия, затрагивающих тему преподавания и изучения логики на нефилософских факультетах высших учебных заведений стран СНГ, является констатация в основном безрадостной ситуации: интерес к «науке рассуждать» со стороны студентов низок; ее статус сомнителен вследствие как уменьшения выделяемого на аудиторные занятия времени, так и переведения ее в ранг «дисциплины по выбору». Уровень подготовки преподавательского корпуса, особенно в негосударственных «университетах» и «академиях», трудно поддается какому-либо объяснению, выходящему за рамки соображений банальной экономии средств и т.д., и т.п. Точно и полно ответить на всплывающие в такой ситуации традиционные вопросы «Кто виноват?» и особенно «Что делать?» без объемного комплексного исследования поля образования, учитывающего сложную игру глобальных и локальных факторов самой разной природы, не представляется возможным. Поэтому в предлагаемой статье я ограничусь рассмотрением лишь одной перспективной образовательной инновации под устоявшимся названием «Критическое мышление».

I

Существенным атрибутом Информационной эпохи является значительное возрастание не только объемов актуальной информации, но и темпов ее бытия. Согласно Элвину Тоффлеру, в «быстрых экономиках производство ускоряет прогрессивная технология, но не только. Темп таких экономик определяется скоростью трансакций, временем, необходимым для принятия решений (особенно касательно инвестиций), скоростью, с которой новые идеи создаются в лабораториях и доставляются на рынок, быстротой обращения капитала и прежде всего скоростью, с которой данные, информация и знания пульсируют в экономической системе. Быстрые экономики продуцируют благосостояние – и власть – быстрее медленных»[1]. Таким образом, качественная интенсификация разнородных информационных потоков и работы с ними обусловливает возникновение и функционирование всего «нового быстрого мира».

Человек и социум приспосабливаются к обстоятельствам «быстрого мира» не в последнюю очередь через «переформатирование» поля образования. Но этот процесс не сводится только к расширению, реструктурированию, повышению технологического или технического уровня поля. Вместе с соответствующим обстоятельствам обновле-

http://www.phisci.ru

нием *содержания образования* он должен обязательно предусматривать изменение *принципа формирования этого содержания.*

Известный американский философ образования и практический педагог Мэтью Липман давно заметил, что *во времена перемен люди склонны уделять больше внимания интеллектуальной гибкости и изобретательности, чем устоявшимся знаниям*[2]. Это значит, что само по себе усвоение как можно большей массы узкопрофессиональных знаний и умений «раз и навсегда» может быть приемлемым принципом образования человека «медленного мира», но не отвечает вызовам успешной жизнедеятельности в мире, который функционирует все быстрее и изменяется непрерывно, часто неожиданным образом. Поэтому выглядит устарелым «категорический императив» «совершенного преподнесения» и «твердого усвоения» массивов узкопрофессиональных знаний и умений, когда львиную долю в образовании отечественного инженера составляют устоявшиеся физико-математические и технические дисциплины, причем эта доля увеличивается за счет «бесполезной» социально-гуманитарной составляющей; аналогично в образовании юриста большая и все возрастающая часть времени отводится на изучение действующих здесь-и-теперь нормативно-правовых актов, хотя они нередко изменяются или отменяются быстрее, чем студент успеет их «сдать»... А курсы логики, риторики или этики редуцируются до чисто символических объемов, вырождаясь в чистую профанацию со стороны преподавателей и лишенную какой-то значимости скороговорку для студентов.

Нельзя не признать, что негативное отношение ряда «узких профессионалов» к социально-гуманитарным дисциплинам имеет некоторые основания. Они связаны, в частности, с ролью «идеологического Цербера» в недавнем советском прошлом, с не преодоленной до сегодняшнего дня оторванностью от реалий быстротечной жизни. Претензии к логике лишены идеологической нагрузки, однако безудержное сосредоточение на «универсальных» формализмах и высокомерное отношение к вариативным особенностям профессиональной интеллектуальной активности минимизирует практическую значимость этой дисциплины, а значит и интерес к ней со стороны студентов и администрации факультетов (институтов), a priori ориентированной на «профессионализм». В этих условиях убедить их, что логика, риторика или этика могут выполнять функции, жизненно необходимые для успеха в современном мире, практически невозможно.

Что же делать в сложившейся ситуации? С одной стороны, пришло время окончательно отказаться от иллюзии «достаточного на весь период продуктивной активности запаса знаний и умений» и, соответственно, от попыток «втиснуть» этот «запас» в голову ученика/студента/аспиранта на протяжении одного или двух десятилетий формального образования. Отнюдь не преуменьшая значимости

http://www.phisci.ru

[4] *Lipman M.* Thinking in Education (2nd ed.). – Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2003. P. 27, 253.

[5] *Weinstein M.A.* Framework for Critical Thinking // The High School Magazine. 2000. Vol. 7. № 8 (April). P. 40.

[6] См., например: *Brown M.N., Keeley S.M.* Asking the Right Questions. A Guide to Critical Thinking (5th ed.). – Upper Saddle River (NJ): Prentice Hall, 1998.

[7] *Тягло О.В.* Критичне мислення. – Харків: Основа, 2008. 189, [3] с. – (Б-ка журн. «Управління освітою»; Вип. 1(61)).

[8] См.: *Бандурка О.М., Тягло О.В.* Юридична логіка. – Харків: Золота миля, 2011.

Аннотация

Образование в современном «быстром мире» не может быть успешным без сильного инструментального ядра. Оно должно включать, в частности, пару взаимосвязанных университетских дисциплин: «Логика с элементами критического мышления» (уровень бакалавриата) и «Критическое мышление на основе логики» (уровень магистратуры). Подчеркнуто, что обучение критическому мышлению само по себе не достаточно, оно должно быть дополнено взращиванием творческого мышления и навыков рациональной коммуникации.

Ключевые слова: «быстрый мир», высшее образование, логика, критическое мышление, творческое мышление, рациональная коммуникация.

Summary

Under conditions of contemporary «fast world» education cannot be successful without powerful instrumental core. This core must include, among other things, a couple of interconnected university disciplines: «Logic with elements of critical thinking» (on the Bachelor Degree level) and «Critical thinking on base of logic» (on the Master Degree level). It is pointed out that training in critical thinking in itself is insufficient and therefore must be completed by growing of creative thinking and rational communication skills.

Keywords: «fast world», higher education, logic, critical thinking, creative thinking, rational communication.

http://www.phisci.ru

Школа философствования

НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ*
Раздел V. Философия истории
Глава 15. Россия в меняющемся мире
§ 28. Образ России

Б.В. МАРКОВ

Среди участников дискуссий о путях развития новой России одни видят выход в обращении к традициям древности, в усилении религиозного воспитания, в возрождении духовного и культурного наследия, на базе которого станет возможным восстановление солидарности людей и сплоченности общества. Другие, наоборот, считают выходом из кризиса ускоренное развитие цивилизационного процесса, глобализацию и вестернизацию, а также развитие современных технологий, снижающих техногенную нагрузку на природу. Сравнивая прошлое и настоящее, можно попытаться «инвентаризировать» как приобретения, так и утраты прогресса. Конечно, в истории любого народа было много такого, что сегодня кажется «ужасным» и не подлежащим «возрождению». Вместе с тем культура наших предков, основанная на интенсификации внутреннего чувства стыда, обходилась без дорогостоящего аппарата внешнего насилия и была при этом более эффективной в деле воспитания социально и морально ответственной личности. Точно также их системы хозяйства, управления и безопасности населения были, с современной точки зрения, может быть, «неэкономными», однако весьма устойчивыми и не приводили к постоянным экономическим, экологическим и политическим кризисам. Думается, что современность должна найти способ применения традиционных хозяйственных и культурных механизмов на основе новых технологий. Поэтому исследование и усвоение культурного капитала окажется полезным политикам, экономистам, а также тем, кто отвечает за создание здоровой окружающей среды, обеспечивающей комфорт и безопасность. Традиционные проекты и программы возрождения России должны измениться под действием некоего парадоксального усилия – преобразовать ее без революций и войн, построить новое общество, не питаясь ненавистью к старому, а сохранив память и ответственность по отношению к прошлому.

§ 28. Образ России

Что означают загадочные слова Тютчева «Умом Россию не понять...», почему они до сих пор волнуют нас, какое задание несут в себе? Чувствуем ли мы ответственность за Россию, готовы ли и способны ли

* Продолжаем публикацию материалов учебника «Начала философии», подготовленного коллективом петербургских авторов (см.: Философские науки. 2010. № 5 – 12; 2011. № 1 – 10; 2012. № 5, 6, 8, 11, 12; 2013. № 2).

http://www.phisci.ru

нести на своих плечах столь тяжкий груз? Для начала надо бы определиться с тем, что такое для нас Россия. На самом деле, ни одну страну, ни один народ невозможно охватить рациональной, т.е. учитывающей только понятия и идеи, концепцией. Любое человеческое поселение, этнос издавна отличались от других не столько понятиями, сколько образом жизни и обычаями, а также внешним видом, одеждой, речью, напевами и мифами, структурой питания. И как бы ни стирали эти различия влияния высоких культур, мировых империй и глобализации, они остаются, и не только в исторической памяти, но и в повседневном сознании.

Человек вырастает и формируется в искусственных условиях, которые задают родители и родственники, дом и школа. То, что мы называем Россией, это тоже продукт технологий, как хозяйственных, так и культурных. Искусственная теплица, в которой вырастает человек, – это не только дом и родина, но и символическая система, обеспечивающая идентичность и защищающая от чужих влияний. В описаниях теоретиков государства единство его граждан, как правило, понималось политически и идеологически. Идеологическая солидарность оказалась достаточно непрочной иммунной системой. Она подверглась внутренней эрозии, ибо ее разрушала критически настроенная интеллигенция. Что можно сделать для восстановления символической оболочки общества? Строить ее заново? Но из чего и как? Думается, что в качестве «строительного материала» должны быть использованы как традиционные, так и новые технологии. Прежде всего, дискурсы о месте обитания человека имеют важное иммунное значение. Мифы и сказания наших предков играли, прежде всего, защитную роль. Они строились как радостная песня, исполняемый на своем языке гимн, в котором восхвалялась родная земля, населявший ее народ и их герои-защитники. Нельзя отрицать право людей жить в такой атмосфере, которая наполнена родными лицами, звуками и даже запахами. При этом каждый народ имеет право гордиться своим образом жизни, языком, культурой и историей.

Действительно важный и трудный вопрос состоит в том, как в конкуренции с другими народами можно доказывать преимущества собственной культуры. Определив дискурс о России как символическую иммунную систему, оберегающую свое от поглощения чужим и осознав его изначальное назначение, можно поставить вопрос об отношении к другому и даже чужому. Надо сказать, что чем назойливее сегодня ставится и обсуждается этот вопрос, чем больше говорится о толерантности и признании другого, тем сильнее подозрение, что другой попросту исчез, растворился в дискурсе либеральных экономистов, для которых человек выступает как набор азбучных истин, касающихся общечеловеческой этики и глобальной экономики. Грубо говоря, арабы, китайцы, русские и прочие народы для них – всего лишь недоразвитые европейцы. Именно под прикрытием образа «мирного дикаря», созданного еще в эпоху колонизации, и развились современные формы ксенофобии, доходящие до терроризма слабых, с одной стороны, и военной интервенции сильных – с другой.

http://www.phisci.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

А.П. Давыдов. Неполитический либерализм в России. – М.: Мысль, 2012. – 644 с.

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Новая монография А.П. Давыдова «Неполитический либерализм в России» вызывает интерес, во-первых, самим фактом своего появления. Ведь автор хорошо известен своими предыдущими исследованиями по истории отечественной культуры, обратившими на себя внимание оригинальной методологией исследования и яркостью, убедительностью авторского анализа творчества А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В.Гоголя[1], а во-вторых, непривычностью названия. Согласитесь, понятие «неполитический либерализм» звучит в наше, крайне политизированное, время несколько необычно. Невольно возникает вопрос: не есть ли это придуманный автором неологизм? Но первые же страницы книги убеждают – нет. За понятием скрывается суть заявленного подхода к анализу литературных образов, художественного творчества, истории становления и развития отечественной литературы. И подход, и реализованный в соответствии с его методологическими принципами анализ далеки от политической ангажированности и одновременно сущностно связаны с главной идеей одного из самых значительных политических течений XIX и XX вв. – с *либеральной идеей самоценности свободы и достоинства личности*.

Для автора, как он предупреждает в предисловии, понятие «личность» выражает, прежде всего, способность человека к свободе, а в применении к отечественной духовной культуре – к творчеству ее выдающихся представителей, к их стремлению «к независимости от всех исторически сложившихся в России социальных ролей и смыслов»[2], квалифицируемых им как архаичные. И в этом смысле объект внимания автора – протестная личность – это не просто литературный тип, занимающий заметное место в отечественной художественной литературе, начиная с XVIII в., а *знаковый образ русской культуры*, свидетельство ее внутренней, органичной связи с высшей либеральной ценностью – признанием права человека на самовыражение в поступке, свободном от политического диктата, архаических установок и сложившихся культурных стереотипов. «Протестная личность», вошедшая в ткань русской культуры и поднятая до уровня социального типа в творчестве Пушкина и Лермонтова, есть, считает Давыдов, свидетельство способности литературы, культуры и общества к самообновлению, соразмерному принятию либеральных идей и ценностей в качестве принципов социальной жизни. В этом суть «и протестного смысла личности, и либеральной идеи в России, и либерализма русских писателей»[3]. Во всяком случае, именно этот ее смысл (способность выйти за рамки архаики и задать масштаб критики российского

http://www.phisci.ru

исторического опыта) и соотносящаяся с ней идея свободы пронизывает ставшие классикой произведения Гоголя, Гончарова, Тургенева, Чехова, а в XX в. – Булгакова, Пастернака, Шолохова. Такова исследовательская позиция автора.

Эта позиция объясняет и цель книги Давыдова, и кажущийся на первый взгляд парадоксальным заголовок предисловия – «Русские писатели против русской культуры», и предупреждение о направленности предпринятого анализа. «Эта книга, – пишет Давыдов, – о смысле личности в русской культуре. И об архаичности соборно-авторитарных оснований этой культуры, которые противостоят личности. Она – о расколе между культурной статикой и социальной динамикой, между свободой и несвободой. О мышлении писателей, анализирующих логику этого раскола. О том, как образ личности и идея свободы впервые появились в России на страницах художественных произведений. И как этот образ и эта идея представлены в нашей литературе сегодня»[4].

На мой взгляд, суть заявленного подхода можно сформулировать как раскрытие *историософских смыслов бытия* (добро/зло, земное/небесное, жизнь/смерть, свобода/рабство) в русской культуре средствами *социокультурного анализа (обобщения).* Важно иметь это в виду, знакомясь с исследованием Давыдова. Ниже я вернусь еще к этой черте авторского анализа, а сейчас отмечу также, что именно она сделала исследовательские поиски и предпринятый автором анализ в высшей степени аутентичными отечественному духовному наследию. А это далеко не всегда удается литературоведам и культурологам из-за неспособности или нежелания увидеть смыслы и символы русской культуры глазами философа, т.е. в их связи с идеей свободной личности. Но именно ими, сближающими порой до неразличимости русскую литературу и поэзию с философией, наполнена русская культура.

Исследование Давыдова я считаю в максимальной степени приближенным к философскому дискурсу, осуществленному в рамках более философии *культуры*, нежели культурологии[5]. В рамках первой культурный процесс, в том числе сам акт художественного творчества, всегда выражает значимые гуманистические смыслы, и потому за ним стоят определенные типы социального поведения (протест/приспособленчество, борьба/уход, социальный вызов/конформизм), предлагаемые обществом и выбираемые человеком в качестве способов включения в социальную реальность. Данная традиция, если говорить об отечественной философии XX века, уходит своими корнями в проблематику человека и человеческой деятельности; она разрабатывалась с середины 60-х годов Г.С. Батищевым, Ю.Н. Давыдовым, Н.С. Злобиным, Э.С. Маркаряном, В.М. Межуевым[6]. Но в рамках названного подхода Давыдов фиксирует и реализует ее новые исследовательские возможности, новые способы анализа культурных реалий. Сам он формулирует свою позицию, обозначая границы новизны в рамках выбранной методологии, следующим образом: «Методология, которую я применяю, не первая в своем роде. В истории России были две попытки создания методологии социокультурного анализа – обе, на мой взгляд, неудачные. Интерпретаторы российской реальности пытались анализировать человека, опираясь на смыслы то Бога, то народа как на культурные основания. А смысла личности как альтернативы «Богу» и «народу» они не знали. Либо, зная, не поднимали его значимость на уровень нового основа-

http://www.phisci.ru

ния русской культуры»[7]. Давыдов, предлагая свою методологию, называет ее *личностной*.

Результатом актуализации связи культурных смыслов с идеей личности и философской рефлексией, определившей методологическое основание «социокультурного анализа» Давыдова, стало предложенное им прочтение классики, новая интерпретация привычных, установившихся в качестве канонов, социальных характеристик художественного творчества, и в этой связи социальной роли писателя в XIX веке и в наше время. (Вторая часть монографии имеет название «Современные писатели: Виктор Пелевин, Владимир Маканин, Виктор Ерофеев».) «Можно сказать, – предупреждает Давыдов в предисловии, – что русский писатель, ангажированный идеей личности, предстает в моей книге как коллективный аналитик русской культуры, как своего рода совокупный российский Библеист, протестующий против архаике в себе, «определенным образом желающий свободы» и анализирующий свой путь к ней»[8]. Добавлю: можно сказать, что в книге Давыдова русский писатель предстает как «больше, чем писатель», а русской художественной литературе отводится особая миссия – сохранение через создаваемые художественные образы и социальные типы связи с либеральной идеей свободы. (Давыдов анализирует не весь опыт русской литературы, а лишь тот, который, по его мнению, внес существенный вклад в развитие неполитического либерализма.) Книга Давыдова – это книга о либерализме русских писателей и о том, что идея «liberalis» не только не была чужда русской культуре, хотя входила в нее чаще всего на диссидентских правах, но всегда выражала ее главный социальный пафос. Это все и объясняет название книги – *«Неполитический либерализм в России»*. Именно в этой «неполитической форме», т.е. через литературу, поэзию, искусство, либерализм, как общественно-политическое движение, завоевывал свои права на жизнь в российском обществе.

Содержание книги, таким образом, свидетельствует не только о «правомерности» введенного автором понятия, но и о его особом статусе (знаковости) в отечественной культуре. И, что не менее важно, роли последней в укреплении позиций либерализма как политической доктрины. Давыдов бесспорно прав в своем выводе: «История последних веков в русской культуре – это история поиска в России личности и, следовательно, борьбы неполитического либерализма за выживание. За утверждение себя в качестве альтернативной культурной нормы, *без чего либерализм политический обречен оставаться культурно беспочвенным*» (курсив мой. – *И. С.*)[9]. К сожалению, сами политические деятели от либерализма, как показывает наш постсоветский опыт, этого не понимают в должной мере.

Монография включает два раздела и шесть глав. Их имеет смысл перечислить: названия достаточно репрезентативны не только по содержанию, но и исследовательским установкам автора, о которых шла речь выше.

Часть I. Писатели XIX века: Пушкин, Лермонтов, Гоголь.

Гл. I. Пушкин и становление срединной культуры в России.

Гл. II. Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России.

Гл. III. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа.

Часть II. Современные писатели: Виктор Пелевин, Владимир Маканин, Виктор Ерофеев.

Гл. IV. Лермонтовский ренессанс в анализе русской культуры. Размышления о романе Виктора Ерофеева «Энциклопедия русской души».

http://www.phisci.ru

Гл. V. Между мистикой и RATIO. Проблема изменения типа русской культуры в произведениях Виктора Пелевина.

Гл. VI. Раскол в культуре... и слабый луч надежды. Отвечая на вопрос Владимира Маканина.

Свой анализ Давыдов начинает с обращения к творчеству А.С. Пушкина, считая, что именно с него начинается новая культурная эпоха России. Включенные в ее ткань ценности свидетельствуют о становлении *срединной культуры.* На понятии срединной культуры, заимствованном Давыдовым у Бердяева и ставшем ключевым для его исследования, следует остановиться отдельно.

Главная характеристика срединной культуры – это способность отпадать от абсолютизации любого сложившегося стереотипа. «Это культура, полученная в результате преодоления дуальности в культуре через поиск новой меры снятия ее полюсов в осмысляемом предмете посредством творческого наращивания нового содержания культуры», – такое определение срединой культуры дал Давыдов еще в первом своем исследовании[10]. Срединная культура связана с утверждением через творчество нового содержания между сложившимися смыслами («есть бог» и «нет бога», «зло сильнее добра» и «добро сильнее зла» и т.п.), со способностью культуры развиваться по «срединному вектору». Если говорить о художественном творчестве, с этой способностью связано не просто введение противоречий, а осознание необходимости *меры их преодоления*, неприятие абсолютизации сложившихся культурных стереотипов. Логика пушкинского творчества, считает Давыдов, полностью соответствует этому вектору. Он это прекрасно демонстрирует обращаясь к социокультурному анализу «Кавказского пленника», «Каменного гостя», «Пира во время чумы», «Бориса Годунова», выбирая разные смысловые поля оппозиций «плен – свобода», «любовь – предательство», «истина – обман», «смысл – бессмысленность», «счастье – несчастье», «жизнь – смерть»[11]. Мерой любви, свободы, внутреннего согласия с собой любого поступка героя (пленника, черкешенки, Дона Гуана, Григория Отрепьева, Бориса Годунова) для Пушкина является способность героя в своих действиях и принятых решениях выйти за рамки собственных и принятых обществом норм, *способность на протест* – внутренний (против самого себя, являющийся человеку «в муках совести») или действенный, направленный во вне – неважно. Главное, осознание себя *личностью,* правда, это еще не является гарантией порядочности, оправданием жестокости и преступных действий.

Поэтому каждый образ, созданный поэтическим воображением поэта или воссозданный на основе документальных исторических фактов, «двоится»: Борис и грозен и жалок, Отрепьев – одновременно Лжедмитрий и Антилжедмитрий. Давыдов убедительно показывает, что борьба за трон и одновременное равнодушие к этой борьбе есть фокус, вокруг которого разворачивается драма конфликта между борисоподобным Григорием-Лжедмитрием («Тень Грозного меня усыновила») и диссидентсвующим Григорием-Антилжедмитрием. Какой смысл вложил Пушкин в противостояние этих образов, которые для него были *социальными типами*? Давыдов называет их «самозванчество» и «самозванство». Последнее, как крик протеста против засилья архаики, есть тот образ, который связывается Пушкиным с новыми – *европейскими социальными нормами*: Григорию нужен личный успех, общественное признание, он «культурно амбициозен». Он хочет не столько

http://www.phisci.ru

власти, сколько славы, погоня за которой в Европе к этому времени стала нормой. И потому, убеждает Давыдов, образ Григория – это образ «русского европейца», вместе с сопровождающими его в российских условиях плюсами и минусами. «Это был вызов русскому способу жить, русскости как таковой»[12]. Его двойственность обусловлена правдой исторического сюжета, которой следовал Пушкин, и признанием поэтом тех ценностных смыслов, которые отражали культурные, а точнее, цивилизационные реалии его времени. И с этим выводом Давыдова трудно не согласиться. Бесспорно, за противостоянием Григория Отрепьева и Бориса Годунова стоят Пушкин, в котором «наше все», и российская культура XIX в., «застрявшая» (и по сей день пребывающая в этом неудобном положении) в том окне, которое для нее прорубил Петр I. Во всяком случае, для сегодняшнего читателя, мне кажется, это противостояние воспринимается в *таком* смысловом контексте. В этом случае главный герой «Бориса Годунова» – это сам Пушкин (им же он является в «Кавказском пленнике», «Каменном госте», «Евгении Онегине») внутри своего времени, с теми проблемами, которые ставило, ставит и будет ставить развитие истории, ее движение от старого к новому, от архаики к модерну.

Я сознательно остановилась именно на первой главе рецензируемого исследования. В этом же методологическом ключе социокультурного анализа, ядром которого является понятие личности, исследуется творчество Лермонтова (вторая глава монографии), которому автор отводит особое место в отечественной литературе. Лермонтов вводит в нее тот обобщающий образ русского человека эпохи модернизации, который Давыдов называет *образом социальной патологии*[13]. Его он включает в свой анализ через ряд методологических сопоставлений Лермонтова с Пушкиным, Гоголем, Гончаровым, Тургеневым, Л. Толстым, Достоевским, Чеховым, Булгаковым и далее до творчества современных писателей, рассмотрению которого отводит вторую часть исследования. Для Лермонтова внутренний конфликт героев («Герой нашего времени», «Демон») – это конфликт между способностью быть личностью и нацеленностью на то, чтобы эту способность разрушать. Лермонтовский анализ этого феномена, по мнению Давыдова, стал открытием, дающим ключ к пониманию русской культуры. «После “Героя” в русской художественной литературе развернулась и стала нарастать критика российской архаики, начался процесс переосмысления сложившихся оценок русскости. По этому пути пошли Гончаров, Тургенев, Достоевский, литература, формировавшаяся под влиянием творчества Достоевского, Чехова, Булгакова, Пастернака и чеховская традиция в русской литературе»[14]. Это, конечно, так, если говорить о традиции переосмысления сложившихся оценок. Но если говорить о социальной природе «болезни Печорина», открытие которой и легло, якобы, в основание традиции, то я не могу полностью согласиться с авторской ее характеристикой, будто Печорин – это «клиническая картина эмоционально-рефлективного культурного синтеза, в результате которого ничего, кроме конфуза не получилось. Появилась искалеченная, застрявшая, уродливая личность, которая уже не хочет только глубоко чувствовать, но еще не способна глубоко анализировать»[15]. Мне эта характеристика представляется той крайностью, против которой выступает сам автор как защитник принципов социокультурного анализа. Я это говорю не «по зову сердца», как когда-то, как и у многих моих современников, завороженных «байронизмом» образа Печорина, а исходя из вполне рационалистических

http://www.phisci.ru

соображений: раздвоенность сознания, раздвоенность личности при очевидности в ряде (и даже большинстве) случаев «клинической картины» есть показатель как раз склонности к рефлексии, платой за которую для человека становится непонимание окружающих и разного рода «конфузы». Может, фиксируемая авторским анализом социальная патология есть в каком-то смысле здоровая норма поведения? Тот самый способ не потерять себя, без которого невозможно существование личности, да и национальной культуры в виде художественного творчества? Я повторю то, о чем уже писала раньше, сразу после выхода книги о Лермонтове[16]: в трактовке Давыдовым образа Печорина мне важнее вывод о том, что герой Лермонтова, как позднее Обломов Гончарова, Рудин Тургенева, герои Достоевского, персонажи Чехова и еще многие другие – это образы, появившиеся на том историческом этапе российской культуры, когда отчаяние личности перешло в отчаяние общества от осознания внутренней катастрофы.

Подводя итог, отмечу следующее. Книга А.П. Давыдова носит инновационный характер и в плане используемой методологии анализа литературного творчества, и в плане удивительного синтеза научного характера исследования с эмоциональной яркостью языка. Предложенная автором методология предстает новаторской и эвристической. Мне, правда, показалось, что она более ориентирована на литературу XIX в. (первая часть монографии). Но, может быть, дело в особенностях культур – «Золотого века» и современной, «застрявшей» в иных, трансформированных нашим временем культурных смыслах, – в отличии связанных с ними социальных контекстов, которые, как известно, всегда расставляют свои акценты в творчестве. Но бесспорно, что исследование А.П. Давыдова – это веха на пути сегодняшней культуры к преодолению ею раскола между свободой и несвободой в любом виде творчества. Оно убедительно показывает и свидетельствует, как ангажированность писателя, художника, философа идеей личности может стать значимым фактором не только духовно-культурной, но и социально-политической жизни общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Давыдов А.П.* Духовной жаждою томим. А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. – М., 1999; *Давыдов А.П.* Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России. XIX – XX – XXI вв. – М.; Алматы, 2006; *Давыдов А.П.* Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. – М., 2008.

[2] *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. – М., 2012. С. 13.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 12.

[5] Замечу, эта особенность подхода обратила на себя внимание еще в первой книге автора «Духовной жаждою томим». Собственно, все последующие его работы, включая рецензируемую, есть не что иное, как дальнейшая разработка и реализация этого подхода на новом «культурном материале», яркая демонстрация эвристических возможностей соотносящихся с ним принципов анализа.

[6] Назову лишь некоторые работы того времени этих авторов: *Батищев Г.С.* Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблемы человека в современной философии. – М., 1969; *Давыдов Ю.Н.* Труд и свобода. – М., 1962; *Злобин Н.С.* Культура и общественный прогресс. – М., 1980; *Маркарян Э.С.* Исходные посылки культуры как специфического способа человеческой деятельности //

http://www.phisci.ru

Философские проблемы культуры. – Тбилиси, 1980; *Межуев В.М.* О понятии «культура». – М., 1978.

[7] *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. С. 18.

[8] Там же. С. 12.

[9] Там же. С. 15.

[10] *Давыдов А.П.* Духовной жаждою томим. А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. С. 13.

[11] См.: *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. С. 39 – 51, 51 – 65, 65 – 77, 77 – 146.

[12] Там же. С.110.

[13] «Социальная патология, когда ты понимаешь, что жить так, как живешь, нельзя, а так, как надо – не способен. Это когда ты понимаешь, что надо меняться, чтобы выжить в меняющихся условиях, и одновременно понимаешь, что никогда не изменишься, потому что измениться значит изменить себе, сложившемуся, традиционному, привычному, а это невозможно. Социальная патология – это когда жить невозможно, потому что понимаешь, что это не жизнь, а умирание, и остается одно – оправдывать свою немочь и гнать тех, кто называет вещи своими именами» (*Давыдов А.П.* Поверить Лермонтову. – М., 2006. С. 6).

[14] *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. С. 177.

[15] Там же. С. 185.

[16] См.: *Сиземская И.Н.* Рец. на книгу А.П. Давыдова «Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России. XIX – XX – XXI вв» // Вопросы философии. 2006. № 9.

http://www.phisci.ru

Рецензии, аннотации, отзывы

КАПРИЗЫ ПАМЯТИ
Е.В. Малышкин. Две метафоры памяти. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2011. – 246 с.

С.И. МОЗЖИЛИН

Я вынес в заголовок рецензии на книгу Евгения Малышкина «Две метафоры памяти» название картины Сальвадора Дали, которую для удобства воспоминания называют «Расплавленные часы». Сделал я это не ради пустой прихоти, а под влиянием ассоциаций – с проблематикой времени, истекшего и потерянного, которую автор вопреки ожиданиям миновал в своем анализе памяти, и с весьма вольной манерой обращения с философскими текстами, которую он демонстрирует на страницах своей книги. Но обо всем по порядку.

«Замысел нашего исследования состоит в том, чтобы отследить, какими именно метафорами описывается память в различные периоды истории западной философии. Отследить – значит, прежде всего, задать верные, сообразные предмету вопросы» (С. 8). Так формулирует автор задачу исследования. История метафор в культурологии и истории философии, наряду с историей идей, направление не новое. Во всяком случае, этот подход предполагает идентификацию метафор и раскрытие их когнитивного содержания, того, как метафоры функционируют в контексте. Нужно показать релевантность метафоры соответствующему проблемному полю, например, «естественный свет разума» – метафора из семантического поля трансцендентальной философии, а «помрачение рассудка» – из беллетризированной психиатрии. На наш взгляд, проблема рассматриваемой книги обнаруживается уже на стадии идентификации метафор памяти. Согласно концепции автора, метафор памяти всего две: отпечаток (во всем многообразии синонимических вариаций, как след на восковой дощечке, например) и проект (набросок).

С метафорой «следа» (отпечатка) все более-менее очевидно. Она прослеживается применительно к памяти от знаменитых фраз о следах на восковой дощечке и отпечатке перстня на воске у Платона и Аристотеля до следа как термина психоанализа или современной нейрофизиологии (энграмма), описывающей механизмы функционирования головного мозга на электромагнитном и микромолекулярном уровнях. Эта метафора находится в очевидной коннотации с письмом и знаком, однако эта проблематика не в фокусе авторского интереса.

Что касается метафоры «проекта», пусть и с вариацией «наброска», то эту метафору применительно к памяти отследить текстуально практически невозможно. Более того, есть сомнение, что здесь вообще речь идет о метафоре, тропе, т.е. переносе общеупотребительного значения на иное с целью сделать его более наглядным. Между тем, по утверждению автора, «в рассматриваемых нами текстах след (хранилище), как и набросок (обязательность памяти, ее крепость) разумеются сами собою, как если бы они и впрямь были самопонятны». Если метафора – это фигура речи,

http://www.phisci.ru

Наши авторы

Бажанов Валентин Александрович – Заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии философии наук (Брюссель), заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета, профессор, доктор философских наук.

Берков Владимир Федотович – профессор кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор философских наук.

Ермишина Ксения Борисовна – старший научный сотрудник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, кандидат философских наук.

Легчилин Анатолий Александрович – заместитель декана факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, доцент, кандидат философских наук.

Маркин Владимир Ильич – заведующий кафедрой логики философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор, доктор философских наук.

Марков Борис Васильевич – Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, профессор, доктор философских наук.

Мозжилин Сергей Иванович – доцент Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор философских наук.

Панова Ольга Борисовна – доцент, докторант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета, кандидат филологических наук.

Савицкий Петр Николаевич – студент философского факультета Карлова университета (Прага, Чешская Республика).

Селезнев Павел Сергеевич – директор по международному сотрудничеству ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кандидат политических наук.

Сиземская Ирина Николаевна – главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН, доктор философских наук.

Сулимов Владимир Александрович – академик Международной Академии наук (Русская секция), профессор кафедры культурологии Коми государственного педагогического института, доктор культурологии.

Сунгуров Александр Юрьевич – заведующий отделением, заведующий кафедрой прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Президент Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия», доктор биологических наук, доктор политических наук.

Тягло Александр Владимирович – Заслуженный работник образования Украины, Заслуженный профессор Харьковского национального университета внутренних дел (Украина), доктор философских наук.

Хоменко Ирина Викторовна – профессор Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, доктор философских наук.

Шелике Вальтраут Фрицевна – кандидат исторических наук.

Яскевич Ядвига Станиславовна – директор Института социально-гуманитарного образования, профессор Белорусского государственного экономического университета, доктор философских наук.

http://www.phisci.ru

About the Authors

Bazhanov, Valentin – honoured science figure of the Russian Federation, full member of the International Academy for Philosophy of Sciences (Brussels), head of the Department of Philosophy (Ulyanovsk State University), professor, PhD.

Berkov, Vladimir – professor (Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus), PhD.

Ermishina, Kseniya – senior staff scientist (Research Centre of *Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad*), PhD.

Khomenko, Irina – professor (Taras Shevchenko National University of Kiev), PhD.

Legchilin, Anatoly – deputy dean of the Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarusian State University), professor, PhD.

Markin, Vladimir – head of the Department of Logic of the Faculty of Philosophy (Lomonosov Moscow State University), professor, PhD.

Markov, Boris – honoured science figure of the Russian Federation, head of the Department of Philosophical Anthropology of the Faculty of Philosophy (Saint Petersburg State University), professor, PhD.

Mozzhilin, Sergey – professor (Saratov State Social Economic University), PhD.

Panova, Olga – professor, doctoral student (Tomsk State University), PhD.

Savitsky, Petr – student (Charles University, Prague, Czech Republic).

Schälike, Waltraut – Doctor of Philosophy.

Seleznev, Pavel – director for international cooperation (Financial University under the Government of the Russian Federation), PhD.

Sizemskaya, Irina – principal staff scientist (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), PhD.

Sulimov, Vladimir – full member of the International Academy of Science (Russian Section), professor (Komi State Pedagogical Institute), PhD.

Sungurov, Alexander – head of the Department of Applied Political Science (Saint Petersburg Branch of the National Research University *Higher School of Economics*), President of the Saint Petersburg Centre for Humanities and Political Studies *Strategy*, PhD.

Tiaglo, Oleksandr – honoured worker of education of Ukraine, honoured Professor (Kharkov National University of Internal Affairs, Ukraine), professor, PhD.

Yaskevich, Yadviga – director of the Institute of Social Science and Humanities Education, professor (Belarus State Economic University), PhD.

http://www.phisci.ru

CONTENTS

HISTORY AND THE MODERN WORLD. THE EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL COMPREHENSION

Evolution. Modernisation. Innovation ■

A.Yu. SUNGUROV (St. Petersburg) — Innovations in Society and Policy. The Analytical Review — 5

P.S. SELEZNEV — Innovative Policy of Russia: In Search of Motivation — 21

The Lessons of History ■

W.F. SCHÄLIKE — Misunderstood Marx and Some Problems of Modernity (Part 1) — 37

RUSSIAN WORLD ABROAD

From the History of Eurasianism ■

I.N. SIZEMSKAYA — The Origins of Eurasianism. P.N. Savitsky — 49

K.B. ERMISHINA — P.N. Savitsky's Philosophy of Culture — 52

P.N. SAVITSKY — Who and What Makes Russian Culture «Provincial»? — 63

The Intelligentsia and Russian Culture ■

I.P. SAVITSKY — The Russian Autocracy and the Russian Intelligentsia — 67

PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT

Cultural Matrix ■

EDITORIAL — Modernity. In Search of New Dimensions — 76

V.A. SULIMOV (Syktyvkar) — The Transition State: «Technological Turn» or Loss of Meaning — 77

Language. Logos. Absolute ■

O.B. PANOVA (Tomsk) — Russian Philosophy on the Nature and Essence of Language. Article 1. The «Justification» of Logos — 85

EDUCATION AND SOCIETY

Logic and Logical Education ■

V.A. BAZHANOV (Ulyanovsk), V.I. MARKIN — The Logical Education in Russia: Brief History, Present State, Prospects — 98

I.V. KHOMENKO (Ukraine) — The Teaching of Logic in Ukraine: Problems and Prospects — 110

B.F. BERKOV (Belarus), Ya.S. YASKEVICH (Belarus), A.A. LEGCHILIN (Belarus) — The Development and Teaching of Logic in Belarus: History and the Present — 120

O.V. TIAGLO (Ukraine) — The «Science of Reasoning» in the «Fast World» — 129

School of Philosophising ■

B.V. MARKOV (St. Petersburg) — Basics of Philosophy Part V. Philosophy of History Chapter 15. Russia in the Changing World § 28. The Image of Russia — 137

SCIENTIFIC LIFE

The Invitation to Reflection ■

I.N. SIZEMSKAYA — A.P. Davydov. Non-Political Liberalism in Russia — 144

Reviews, Annotations, and Feedback ■

S.I. MOZZHILIN (Saratov) — The Caprices of Memory. E.V. Malyshkin. Two Metaphors of Memory — 151

■

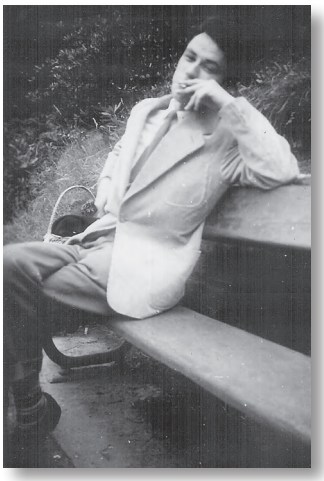
About the Authors — 159

■

Contents — 160

http://www.phisci.ru

Иван Петрович с сыном Николаем



Иван Савицкий, сын Петра Николаевича Савицкого. 60-е годы

был закрыт). Наступала «нормализация»... Казалось, все кончено, русская тема, то, что вынашивалось с юных лет, вычеркивается из жизни... Оказалось – нет.

После «бархатной революции», в 1990 г. И. Савицкий становится директором Европейского центра по воспитанию в духе прав человека под эгидой ЮНЕСКО. Появляется возможность заниматься проблемами русской культуры, послереволюционной эмиграции; поработать во многих европейских странах и, главное, – в России.

Пётр Савицкий, правнук П.Н. Савицкого, внук И.П. Савицкого. Посвящение в студенты Карлова университета. 2010 год

Первая книга «Роковые встречи. Чехи в России и русские в Чехии. 1914 – 1938» (Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914 – 1918)) вышла в 1999 г. в Праге в издательстве Academia. В ней автор доказывал, что уникальная политика Масарика в отношении эмиграции была продолжением его политики, выработанной в связи с выступлением Чехословацкого корпуса в России. В книге рассматривается сложное переплетение социально-психологических закономерностей формирование эмиграции. Почему и как легионерский корпус воздействовал на драматический ход Гражданской войны в России? И почему «русская акция» делает из Праги «Русский Оксфорд», академический центр, влияние которого отражается и в более широком европейском интеллектуальном пространстве? На эти вопросы отвечает эта книга.

Рассматривая судьбы эмиграции «первой волны», И.П. Савицкий, естественно, не мог не задуматься над жизненными установками русских, покидавших Россию в девяностые годы. «Эмигрантами» (как они себя тогда называли) он их, естественно, признать не мог. «Иммигранты», а иногда жестче - «экономические мигранты» - вот его определение. Чисто в человеческом плане ему было понятно бегство из разваливающейся страны.

Иван Петрович Савицкий. 90-е годы

Предки И.П. Савицкого тоже покинули Россию после Октябрьской революции: одних выслали за границу, другие бежали сами. Но постоянная готовность «новых русских» поносить все русское, угодливое желание «понравиться» русофобским кругам принимающих стран – возмущала. «Великое и страшное сваливается в одну смердящую кучу», – с горечью говорил он. Конечно, такими были не все, диапазон установок был велик, но расклад их был существенно иной, чем в послереволюционной эмиграции.

Жизненный опыт И.П. Савицкого заставил его ближе познакомиться с Западом, сначала по социологической, педагогической, правозащитной литературе, затем и по участию в многочисленных конференциях по этим темам, на стажировках в Париже, Женеве, Брюсселе... Поэтому он надеялся, что ему есть что сказать об исторических отношениях России и Европы. Эту тему он разрабатывал в последние годы, опубликовал ряд статей, готовил монографию. Завершить задуманное, увы, не успел.

Петр Савицкий

На русском языке вышла работа И.П. Савицкого «Прага и Зарубежная Россия» (Прага, 2002). Это была попытка вскрыть влияние властей и общества принимающих стран на специфику эмигрантских колоний в ЧСР, Югославии, Германии, Франции.

Книга «Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918 – 1938» (Yale University Press, 2004), написанная в сотрудничестве с Екатериной Андреевой (доцентом кафедры всеобщей истории в Оксфорде), посвящена, в основном, более детальному анализу «Русской Праги».

Фотографии из семейного альбома Савицких публикуются с разрешения супруги И.П. Савицкого Этери Николаевны Савицкой.

Прага. Дом 27 по улице Рузвельтова, в котором проживали П.Н. Савицкий и его семья. Дом построен на средства русских профессоров-эмигрантов. Сейчас на доме имеется мемориальная доска в память русских эмигрантов, проживавших в доме до 1945 г., а в 1945 г. арестованных и сосланных в ГУЛАГ.

См. стр. 49

Подписной индекс журнала «Философские науки» в Объединенном каталоге «Пресса России» – 45490
Подписка в редакции – по электронному адресу: academyRH@list.ru